

**ВСЕОБЩАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Каждый выпускъ 10 коп.

В. В. Джекобсъ

Обезьянья лапа

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

ИЗДАНИЕ
Акц. Общ. Типограф.
Друж. въ С. Петербургѣ
Складъ: Грота, 26.

№ 52

Цена 10 коп.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

Подъ такимъ названіемъ Акціонерное Общество Типографск. Дѣла въ СПб. издастъ, по образцу вѣстной нѣмецкой „Universal-Bibliothek“, рядъ выдающихся произведеній писателей русской и западно-европейской литературы, начиная съ классиковъ. Во „Всеобщую Библиотеку“ входятъ также труды въ области исторіи и науки и изданія справочнаго характера.

Задача „Всеобщей Библиотеки“ дать возможность русскому читателю за скромную плату получить: литературныя произведенія въ строго проверенной редакціи ихъ текстовъ или въ хорошихъ переводахъ, сочиненія выдающихся мыслителей и ученыхъ во всѣхъ областяхъ знанія, а также книги широкаго практическаго значенія.

Цѣна каждой книги въ Библиотекѣ 10 копѣекъ. Болѣе дорогие книги продаются по 20 копѣекъ (или въ тройныхъ

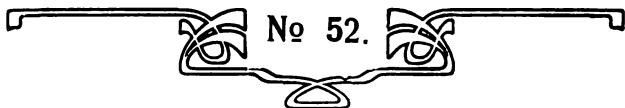
Т., проф. Четыре ха-
тики, Тимуръ, Алек-
еликій, Лютовикъ IX
съ портр. — № 7. — 10 к.
А. Гореть ума, съ
— № 2. — 10 к., въ колен-
перелетъ 30 к.; а
20 к.
збранныя стихотворе-
ортр. — № 3. — 10 к.
Вавилонъ и Библия. —
0 к.
В. Обезьяны лап-
азсказовъ), съ портр. —
0 к.
Н. Б., княгиня. За-
озмы И. Козлова и Е.
съ портр. — № 47. — 10 к.
Зимній сонъ. Пьеса. —
0 к.
отичелли. Биографія
истника, съ 4-мя илл.
я. — Печется.
ь, М. Кузьма Ронни-
съ портрет. — № 22.

проф. Борьба за прав-
рет. — № 30. — 10 к.
Мимолетно. У мол-
Кремленской скрипач-
есъ съ портр. Печ-

В. В. ДЖЕКОВСЪ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА.

В. ДЖЕКОБСЪ.

(W. W. Jacobs).

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПА.

Трое за столомъ. * Сынокъ. * Бѣлые
арапы. * Любитель дисциплины. *
* * Знаменитый фокусникъ. * *

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ.

Переводъ съ англійск. **М. Полторацкой.**

Съ портретомъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание Акц. Общ. Типограф. Дѣла въ С.-Петербургѣ.
7 рота, № 26.

СОДЕРЖАНИЕ.

Обезьянья лапа	3
Трое за столомъ.	19
Сынокъ.	29
Былые арапы.	45
Любитель дисциплины	60
Знаменитый фокусникъ.	69

Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла въ С.-Петербургѣ.
Города, 26.

ОБЕЗЬЯННЯ ЛАПА.

(The monkey's pan).

I.

Стояла поздняя осень; ночь была холодная и сырая, но въ маленькой уютной гостиной виллы Лабурнамъ ставни были плотно закрыты и огонь ярко горѣлъ въ каминѣ. Отецъ и сынъ сидѣли за шахматами, и первый, имѣвшій насчетъ этой игры очень своеобразныя понятія, постоянно подвергалъ своего короля такимъ внезапнымъ и бесполезнымъ опасностямъ, что вызвалъ даже замѣчаніе со стороны бѣловолосой старушки, мирно вязавшей передъ каминомъ.

— Послушайте, какой вѣтеръ! — сказалъ мистеръ Уайтъ, который, замѣтивъ сдѣланную имъ роковую ошибку слишкомъ поздно, чтобы поправить ее, теперь любезно желалъ помѣшать сыну замѣтить ее въ свою очередь.

— Я слушаю, — машинально отвѣчалъ тотъ, устремивъ глаза на доску и протягивая руку, — Шахъ!

— Я думаю, онъ врядъ-ли придетъ сегодня вечеромъ, — продолжалъ отецъ, также протягивая руку надъ доской.

— Мать! — провозгласилъ сынъ.

— Вотъ вамъ удобство жить, чортъ знаетъ гдѣ! — закричалъ вдругъ мистеръ Уайтъ съ внезапной и неожиданной яростью. — Изъ всѣхъ чертовскихъ, грязныхъ, заброшенныхъ мѣстъ на свѣтѣ это самое худшее! Тротуаровъ нѣтъ и въ поминѣ, одно болото,

а улица — просто потокъ. Не понимаю, о чемъ думаетъ городское управленіе? Или оно считаетъ, что не стоитъ и хлопотать, такъ какъ всего лишь два дома и заняты по всей линіи?

— Ну, ничего, милый, — проговорила мистриссъ Уайтъ успокоительнымъ тономъ. — Можетъ быть, ты выиграешь слѣдующую?

Мистеръ Уайтъ поднялъ глаза такъ быстро, что уловилъ многозначительный взглядъ, которымъ обмѣнялись мать и сынъ. Слова замерли у него на губахъ, и онъ украдкой виновато усмѣхнулся въ свою рѣдкую, сѣдую бороду.

— Вотъ онъ, — сказалъ Гербертъ Уайтъ, въ ту минуту, какъ калитка на дворѣ громко хлопнула и раздались тяжелые шаги, приближавшіеся къ дому.

Старикъ всталъ съ гостепріимной поспѣшностью, и они слышали, какъ онъ отворялъ дверь и соболѣзновалъ со своимъ посѣтителемъ. Посѣтитель также пособолѣзновалъ о себѣ, такъ что мистриссъ Уайтъ промолвила: «вотъ! вотъ!» и слегка кашлянула въ ту минуту, какъ мужъ ея входилъ въ комнату въ сопровожденіи высокаго, полнаго мужчины, съ слегка выпученными глазами и краснымъ цвѣтомъ лица.

— Сержантъ Моррисъ, — отрекомендовалъ онъ его.

Сержантъ обмѣнялся рукопожатіями со всѣми и, усѣвшись на предложенное ему мѣсто передъ каминомъ, началъ съ удовольствіемъ наблюдать за тѣмъ, какъ хозяинъ доставалъ изъ шкафа бутылку виски и стаканы, и ставилъ на огонь маленькій мѣдный котелокъ.

При третьемъ стаканчикѣ глаза гостя заблестѣли, языкъ развязался, и маленькій, семейный кружокъ съ живымъ любопытствомъ вглядывался въ этого посѣтителя изъ далекихъ, незнакомыхъ странъ, между тѣмъ какъ онъ гордо выпячивалъ свою широкую грудь, сидя въ спокойномъ креслѣ, и повѣствовалъ объ удивительныхъ, дикихъ сценахъ и славныхъ дѣяніяхъ:

о войнѣ, о чумѣ и о странныхъ, необыкновенныхъ людяхъ.

— Двадцать одинъ годъ провелъ тамъ! — проговорилъ мистеръ Уайтъ, кивая головой жепѣ и сыну. — Во время отъѣзда, онъ былъ безусымъ мальчуганомъ у насъ въ конторѣ. А теперь — посмотрите-ка на него!

— Но это ему, очевидно, не повредило, — вѣжливо откликнулась мистриссъ Уайтъ.

— Мнѣ хотѣлось-бы самому проѣхать въ Индію, — продолжалъ старикъ. — Знаете, только, чтобы взглянуть на то, другое...

— Лучше оставайтесь тамъ, гдѣ вы теперь, — сказалъ сержантъ, покачивая головой. Онъ поставилъ на столъ пустой стаканъ и, слегка вздохнувъ, опять покачалъ головой.

— Но я хотѣлъ-бы посмотреть на древніе храмы и на этихъ факировъ и фокусниковъ, — отвѣчалъ старикъ. — Что такое вы начали говорить мнѣ тотъ разъ про талисманъ — обезьянью лапу, или что-то въ этомъ родѣ, Моррисъ?

— Ничего, — поспѣшно отвѣчалъ тотъ, — по крайней мѣрѣ, ничего интереснаго.

— Обезьянья лапа? — съ любопытствомъ промолвила мистриссъ Уайтъ.

— Ну, если хотите, можно назвать это отчасти и колдовствомъ, — небрежно сказалъ сержантъ.

Трое слушателей съ живостью нагнулись впередъ. Гость, какъ-бы въ забывчивости, поднесъ къ губамъ пустой стаканъ и опять поставилъ его на столъ. Хозяинъ поспѣшилъ наполнить его.

— Смотрѣть на нее, — сказалъ сержантъ, шаря въ карманахъ, — такъ это самая обыкновенная ланка, высушенная какъ мумія.

Онъ вытащилъ что-то изъ кармана и протянулъ имъ. Мистриссъ Уайтъ съ гримасой попятилась назадъ, но сынъ ея взялъ странную вещь и началъ разглядывать ее съ любопытствомъ.

— А что-же такое въ ней особеннаго? — спросилъ мистеръ Уайтъ, разсмотрѣвъ ее въ свою очередь и положивъ на столъ.

— На ней лежитъ заклятіе одного стараго факира, — отвѣтилъ сержантъ. — Очень святой человѣкъ. Онъ хотѣлъ доказать, что жизнью каждаго человѣка управляетъ судьба, и что тотъ, кто дѣйствуетъ ей наперекоръ, можетъ только навлечь на себя несчастье. Онъ заколдовалъ эту лапу такъ, что три отдѣльныхъ человѣка могутъ чрезъ нее получить исполненіе трехъ своихъ желаній.

Онъ говорилъ такъ внушительно и серьезно, что слушатели почувствовали, что ихъ необдуманнѣйшій смѣхъ какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту.

— Ну, отчего-же вы не высказали свои три желанія, сэръ? — лукаво сказалъ Гербертъ Уайтъ.

Сержантъ поглядѣлъ на него такъ, какъ обыкновенно глядитъ умудренный опытомъ зрѣлый возрастъ на опрометчивую юность.

— Я ихъ высказалъ, — сказалъ онъ спокойно, но его угреватое лицо замѣтно поблѣднѣло.

— И неужели ваши желанія въ самомъ дѣлѣ исполнились? — спросила мистриссъ Уайтъ.

— Исполнились, — отвѣчалъ сержантъ, и стаканъ въ его рукѣ зазвенѣлъ объ его крѣпкіе зубы.

— А еще кто-нибудь высказывалъ желаніе? — настойчиво продолжала старушка.

— Да, три желанія перваго человѣка исполнились, — было отвѣтомъ. — Не знаю, въ чемъ заключались первыя два, но третье было смерть... Вотъ какимъ образомъ я получилъ эту лапу.

Лицо его и голосъ были до того серьезны, что какое-то невольное смущеніе овладѣло его собесѣдниками.

— Но если ваши три желанія исполнились, Моррисъ, то лапа вамъ уже не нужна, — сказалъ наконецъ старикъ. — Зачѣмъ-же вы ее сохраняете?

Сержантъ покачалъ головой.

— Такъ, фантазія, ничего другого, — сказалъ онъ медленно. — Мнѣ приходила было мысль продать ее, но не думаю, чтобы я продалъ. Она и такъ уже надѣлала довольно зла. Кромѣ того, никто ее и не купить. Большинство думать, что это просто волшебная сказка, а тѣ, кто и вѣрять отчасти, все-же хотять сначала попробовать, а потомъ ужъ заплатить деньги.

— А если-бы вы могли имѣть еще три желанія, — сказалъ старикъ, пристально вглядываясь въ него, — высказали-бы вы ихъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ тотъ, — не знаю.

Онъ взялъ лапу и, раскачавъ ее двумя пальцами, вдругъ бросилъ въ каминъ. Уайтъ, съ легкимъ крикомъ испуга, быстро нагнувшись, выхватилъ ее изъ огня.

— Лучше пусть сгоритъ, — произнесъ сержантъ съ мрачной торжественностью.

— Если она не нужна вамъ, Моррисъ, — проговорилъ Уайтъ, — отдайте ее мнѣ.

— Не отдамъ, — упрямо отвѣчалъ его пріятель. — Я хотѣлъ сжечь ее. Если вы оставляете ее себѣ, то не пеняйте на меня за то, что случится. Будьте-ка разсудительнымъ человѣкомъ, швырните ее лучше опять въ огонь.

Уайтъ отрицательно покачалъ головой и началъ пристально разсматривать свое новое пріобрѣтеніе.

— Какъ это дѣлается? — спросилъ онъ.

— Возьмите ее въ правую руку и скажите вслухъ, чего вы желаете, — отвѣчалъ Моррисъ. — Но еще разъ предупреждаю васъ о послѣдствіяхъ.

— Это точно въ сказкахъ «Тысячи и одной ночи», — сказала мистриссъ Уайтъ, вставая и начинающая готовить ужинъ. — Не думаешь-ли ты, что могъ-бы пожелать, чтобы у меня явилось четыре пары рукъ?

Мужъ ея выгащилъ талисманъ изъ кармана, и всѣ трое расхохотались, когда сержантъ съ испуганнымъ видомъ схватилъ его за руку.

— Если ужъ вы непременно хотите высказывать желаніе, — сказалъ онъ угрюмо, — то пожелайте, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь дѣльнаго.

Мистеръ Уайтъ опустилъ лапу опять въ карманъ и, оставивъ стулья, пригласилъ пріятеля къ столу. Ужинъ занялъ ихъ настолько, что вопросъ о талисманѣ былъ почти забытъ, а послѣ ужина всѣ трое опять слушали, не переводя дыханіе, продолженіе повѣствованія о похищеніяхъ ихъ гостя въ Индіи.

— Ну, если разсказъ объ обезьяней лапѣ не правдивѣе всего того, что онъ сейчасъ намъ тутъ насказалъ, — сказалъ Гербертъ, когда дверь наконецъ затворилась за посѣтителемъ, спѣшившимъ захватить послѣдній обратный поѣздъ, — немного мы отъ нея добьемся толку.

— А ты заплатилъ ему что-нибудь за нее, отецъ? — спросила мистриссъ Уайтъ, пристально глядя на мужа.

— Бездѣлицу, — отвѣчалъ тотъ, слегка краснѣя. — Онъ не хотѣлъ брать, да я заставилъ его. И онъ опять уговаривалъ меня бросить ее.

— Какъ-бы не такъ! — вскричалъ Гербертъ съ притворнымъ ужасомъ. — Да мы сразу сдѣлаемся и богаты, и знамениты, и счастливы! Прежде всего пожелай сдѣлаться королемъ, отецъ; тогда ты уже не можешь быть подъ башмакомъ.

И онъ бросился бѣгать вокругъ стола, спасаясь отъ преслѣдованія оклеветанной мистриссъ Уайтъ, которая вооружилась противъ него вышитымъ покрываломъ съ кресла.

Мистеръ Уайтъ вынулъ лапу изъ кармана и глядѣлъ на нее съ сомнѣніемъ.

— Дѣло въ томъ, что я и самъ не знаю, чего желать, — сказалъ онъ медленно. — Мнѣ кажется, что я имѣю все, что мнѣ нужно.

— Если-бы только ты могъ расплатиться за домъ, ты былъ-бы совершенно счастливъ, не правда-ли? — спросилъ Гербертъ, кладя ему руку на плечо. — Ну,

такъ пожелаи получить двѣсти фунтовъ; этого будетъ какъ разъ достаточно.

Отецъ его, улыбаясь съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ надъ собственнымъ своимъ легковѣриемъ, взявъ талисманъ въ правую руку, между тѣмъ какъ сынъ, сдѣлавъ торжественное лицо, серьезность котораго была только слегка нарушена плутоватымъ подмигиваньемъ по адресу матери, усѣлся за пианино и взялъ нѣсколько внушительныхъ аккордовъ.

— Я желаю получить двѣсти фунтовъ, — отчетливо произнесъ старикъ.

Блестящій, трескучій аккомпаниментъ сопровождалъ эти слова, вдругъ прерванный испуганнымъ крикомъ старика. Жена и сынъ подбѣжали къ нему.

— Она шевелится! — воскликнулъ онъ, съ отвращеніемъ глядя на лапу, лежавшую на полу. — Когда я проговорилъ свое желаніе, она извивалась у меня въ рукѣ, какъ змѣя.

— Ну, а денегъ я что-то не вижу, — сказалъ сынъ, поднимая талисманъ и кладя его на столъ, — я бьюсь объ закладъ, что и не увижу никогда.

— Вѣрно это тебѣ показалось, отецъ, — сказала старушка, глядя на него съ безпокойствомъ.

Онъ покачалъ головой.

— Ну, да все равно; вреда въ этомъ нѣтъ никакого; только это потрясло меня въ первую минуту.

Они опять усѣлись передъ огнемъ, пока мужчины кончали свои трубки. Снаружи вѣтеръ завывалъ громче прежняго, и старикъ нервно вздрогнулъ, когда наверху вдругъ хлопнула какая-то дверь. Непривычное и тяжелое молчаніе почему-то воцарилось въ маленькомъ обществѣ и продолжалось до тѣхъ поръ, пока старики не собрались идти наверхъ спать.

— Я думаю, что вы найдете деньги завязанными въ большомъ мѣшкѣ какъ разъ посрединѣ вашей постели, — сказала Гербертъ, прощаясь съ ними, — а что-нибудь ужасное и скверное будетъ сидѣть скорчившись на верху платяного шкафа и подсматривать

за вами, какъ вы прячете свои неправедно-нажитыя сокровища.

Онъ остался одинъ въ темной комнатѣ и долго еще сидѣлъ передъ каминомъ, пристально глядя на потухающія уголья, въ которыхъ мерещились ему разныя лица и фигуры. Последнее лицо было такъ ужасно и безобразно, что онъ уставился на него съ изумленіемъ. Оно росло, становилось такъ ярко, отчетливо, что наконецъ онъ нервно усмѣхнулся и началъ ощупью искать на столѣ стаканъ, чтобы залить его нѣсколькими каплями воды. Но подъ руку ему попалась обезьянья лапа; онъ содрогнулся отъ отвращенія, отеръ руку о платье и ушелъ спать.

II.

При яркомъ свѣтѣ солнца, озарявшаго на слѣдующее утро накрытый для завтрака столъ, Гербертъ самъ посмѣялся надъ своими страхами. Вся комната имѣла теперь тотъ спокойно-прозаическій, здраво-обыденный видъ, котораго ей недоставало наканунѣ вечеромъ, и грязная, сморщенная лапка была заброшена на отдаленную полку съ пренебреженіемъ, не доказывавшимъ особенной вѣры въ ея магическія свойства.

— Старые солдаты должно-быть всѣ одинаковы, — сказала мистрисъ Уайтъ. — И какъ подумаешь, мы слушали такія глупости! Ну, какъ могутъ желанія исполняться въ наши дни? А если-бы исполнялись, то какъ могутъ двѣсти фунтовъ повредить тебѣ, отецъ?

— Пожалуй свалятся съ неба прямо ему на голову, — сказалъ легкомысленный Гербертъ.

— Моррисъ говорилъ, что все случается такъ естественно и естественно, что вы можете даже, если хотите, приписать это простому совпадению, — возразилъ отецъ.

— Ну, смотрите-же, не растратьте денегъ до моего возвращенія, — сказалъ Гербертъ, вставая изъ

за стола. — Но я боюсь, что ты сдѣлаешься такъ скупъ и жаденъ, отецъ, что намъ придется отречься отъ тебя.

Мать засмѣялась и, проводивъ сына до двери, долго слѣдила за нимъ глазами, пока онъ шелъ по дорогѣ. Затѣмъ, вернувшись въ комнату, она продолжала потѣшаться очень благодушно надъ легко-вѣріемъ мужа, что не помѣшало ей, однако, поспѣшить къ двери при звонкѣ почталіона, и не помѣшало также упомянуть съ нѣкоторымъ досадливымъ пренебреженіемъ про отставныхъ сержантовъ, пьющихъ какъ губка, когда она увидѣла, что почта не принесла ничего, кромѣ счета какого-то портного.

— Я думаю, что Гербертъ будетъ опять подшучивать надъ нами, когда вернется, — сказала она, садясь обѣдать.

— По всей вѣроятности, — отвѣчала мистръ Уайтъ, наливая себѣ стаканъ пива, — но какъ-бы тамъ ни было, а эта штука зашевелилась у меня въ рукѣ, я готовъ въ этомъ поклясться.

— Тебѣ показалось, что она зашевелилась, — примирительно промолвила старушка.

— Зашевелилась, навѣрно, — возразилъ мужъ. — Ничего не показалось; я только что... Что тамъ такое?

Жена не отвѣчала. Она слѣдила въ окно за таинственными движеніями какого-то человѣка на улицѣ, который, приглядываясь нерѣшительно къ ихъ дому, казалось хотѣлъ, но не осмѣливался войти. Мысленно сопоставляя его появленіе все съ тѣми-же двумястами фунтовъ, она замѣтила, что незнакомецъ хорошо одѣтъ, и что шляпа его блещетъ новизной. Три раза онъ останавливался у ихъ калитки и опять проходилъ мимо. Въ четвертый разъ онъ положилъ на нее руку и вдругъ, со внезапной рѣшимостью, отворилъ ее настежь и пошелъ по тропинкѣ къ дому. Въ тоже время мистрисъ Уайтъ торопливо развязала за спиной завязки своего фартука и спрятала этотъ полезный предметъ домашняго обихода подъ подушку своего кресла.

Она встрѣтила незнакомца, казавшагося очень смущеннымъ, и ввела его въ комнату. Онъ глядѣлъ на нее украдкой, выслушивая съ озабоченнымъ видомъ извиненія старушки по поводу неприбранной комнаты и одежды ея мужа, который былъ въ своей обыкновенной, рабочей блузѣ. Затѣмъ она замолкла и стала съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидать, чтобы гость объяснилъ имъ причину своего посѣщенія; но онъ былъ странно молчаливъ.

— Я... меня просили заѣхать къ вамъ, — сказалъ онъ, наконецъ, и нагнулся, чтобы снять пушинку со своихъ панталонъ. — Я присланъ съ завода «Мо и Меджинсъ».

Старушка вздрогнула.

— Развѣ что случилось? — спросила она задыхаясь. — Случилось что нибудь съ Гербертомъ? Что такое?

Вступился мужъ.

— Ну, ну, мать, — сказалъ онъ поспѣшно, — садись-ка сюда и не будь такъ скоро на заключенія. Надѣюсь, что вы не привезли намъ никакихъ дурныхъ извѣстій, сэръ? — прибавилъ онъ, пытливо глядя на гостя.

— Мнѣ очень жаль... — началъ посѣтитель.

— Онъ раненъ? — безумно вскрикнула мать.

Гость поклонился въ отвѣтъ.

— Раненъ опасно, — сказалъ онъ тихо, — но онъ не страдаетъ.

— О, слава Богу! — проговорила старушка, стискивая руки. — Слава Богу! Слава...

Она вдругъ остановилась, такъ какъ роковое значеніе этого увѣренія внезапно промелькнуло передъ ней, и она прочла страшное подтвержденіе своей ужасной догадки въ разстроенномъ лицѣ незнакомца. Она судорожно перевела дыханіе и, обернувшись къ мужу, который не сразу могъ сообразить въ чемъ дѣло, положила свою старую, дрожащую руку къ нему на руку. Послѣдовало глубокое, продолжительное молчаніе.

— Онъ попалъ въ машину, — проговорилъ, наконецъ, посѣтитель тихимъ голосомъ.

— Попалъ въ машину, — повторилъ мистеръ Уайтъ какъ-бы бессознательно. — Да...

Онъ сидѣлъ, безцѣльно глядя въ окно ничего не видящими глазами и, взявъ руку жены въ обѣ свои, сжималъ ее такъ, какъ сжималъ бывало въ дни молодости, во время своего ухаживанія за нею, сорокъ лѣтъ назадъ.

— Онъ одинъ у насъ оставался, — промолвилъ онъ кротко, обращаясь къ посѣтителю. — Это тяжело...

Тотъ откашлялся и, вставъ, медленно подошелъ къ окну.

— Фирма поручила мнѣ передать вамъ ея искренное и сердечное участіе въ вашей великой потерѣ, — сказалъ онъ не оборачиваясь. — Я прошу васъ замѣтить и понять, что я только служащій и исполняю ея приказанія.

Отвѣта не послѣдовало. Старушка сидѣла съ блѣднымъ, какъ полотно лицомъ, съ вытаращенными глазами, едва переводя дыханіе; на лицѣ мужа было такое выраженіе, какое другъ его, сержантъ, имѣлъ, можетъ быть въ своемъ первомъ сраженіи.

— Мнѣ велѣно сказать, что «Мо и Меджинсъ» отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность, — продолжалъ посѣтитель. — Они не признаютъ за собой никакихъ обязательствъ; однако, во вниманіе къ службѣ вашего сына, желаютъ предложить вамъ извѣстную сумму въ вознагражденіе.

Мистеръ Уайтъ выпустилъ руку жены, поднялся на ноги и устоялся съ ужасомъ на говорившаго. Его пересохшія губы едва вымолвили слово: — «Сколько?»..

— Двѣсти фунтовъ, — былъ отвѣтъ.

Не замѣчая и не слыша крика жены, старикъ какъ-то слабо улыбнулся, вытянулъ впередъ руки, точно слѣпой, и грохнулся безъ чувствъ на полъ.

III.

Похоронивъ своего сына на обширномъ новомъ кладбищѣ, отстоявшемъ за двѣ мили отъ города, старики вдвоемъ вернулись въ свой опустѣлый, погруженный въ мрачное молчаніе домъ. Все это совершилось и окончилось такъ быстро, что сначала они едва могли сообразить, что случилось, и все еще ждали чего-то, что должно было произойти и облегчить хоть отчасти эту невыносимую тяжесть, слишкомъ большую для ихъ старческихъ сердецъ.

Но дни проходили, и ожиданіе смѣнилось покорностью — той безнадежной покорностью стариковъ, которую часто ошибочно называютъ апатіей. Иногда они за весь день едва обмѣнивались словомъ, такъ какъ теперь имъ нѣ о чемъ было говорить, и время тянулось для нихъ медленно, невыразимо медленно и тоскливо.

Прошло около недѣли, какъ однажды старикъ, проснувшись среди ночи, протянулъ руку и почувствовалъ, что онъ одинъ. Въ комнатѣ было темно, и только отъ окна доносился звукъ заглушаемыхъ рыданій. Онъ поднялся на постели и началъ прислушиваться.

— Вернись, — сказалъ онъ нѣжно, — ты озябнешь.

— Моему сыну еще холодиѣ тамъ, — проговорила старушка и опять зарыдала.

Ея горькій плачь замеръ у него въ ушахъ. Постель была теплая, и глаза его отяжелѣли отъ сна. Онъ опять задремалъ, наконецъ, заснулъ, и спалъ крѣпко, пока его не разбудилъ вдругъ дикій, громкій крикъ жены.

— Ла па! — закричала она безумно. — Обезьянья лапа!

Онъ вскочилъ въ испугѣ.

— Гдѣ? Гдѣ она? Что случилось?

Старушка быстро подошла къ нему, спотыкаясь въ темнотѣ.

— Она мнѣ нужна, — сказала она твердо. — Вѣдь ты не уничтожилъ ее?

— Она въ гостиной, на полкѣ, — отвѣчалъ онъ съ изумленіемъ. — Зачѣмъ тебѣ?

Она опять заплакала и засмѣялась въ то-же время, и, нагнувшись надъ нимъ, поцѣловала его въ щеку.

— Я только сейчасъ вспомнила — проговорила она, судорожно прерывающимся голосомъ. — Какъ это я не подумала раньше! Какъ это ты не подумалъ!

— Не подумалъ о чемъ? — спросилъ онъ.

— Объ остальныхъ двухъ желаніяхъ, — отвѣчала она быстро. — Мы высказали только одно.

— Неужели-же тебѣ его недостаточно? — бѣшено воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, — закричала она съ торжествомъ. — Нѣтъ, мы выскажемъ еще одно! Ступай внизъ, достань ее поскорѣе и пожелай, чтобы нашъ мальчикъ опять былъ живъ!

Мужъ вскочилъ на постели и отбросилъ одѣяло съ своихъ дрожащихъ членовъ.

— Боже милосердный, да ты съ ума сошла! — вскричалъ онъ, пораженный.

— Достань ее, — проговорила та, задыхаясь. — Достань скорѣе и пожелай... О, мой мальчикъ, мой мальчикъ!..

Уайтъ чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу.

— Ложись, — сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ, — ты сама не знаешь, что говоришь.

— Но первое наше желаніе исполнилось, — лихорадочно настаивала старуха. — Почему-же не второе?

— Совпаденіе, — прошепталъ онъ съ трудомъ.

— Иди, достань ее и пожелай, — опять закричала жена его, вся дрожа отъ волненія.

Старикъ обернулся и взглянулъ на нее.

— Онъ уже десять дней какъ умеръ, — сказалъ

старикъ едва слышно, — и кромѣ того, онъ... я-бы не сказала тебѣ этого иначе, но... я могъ узнать его только по одеждѣ. Если ужъ тогда онъ былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы ты могла видѣть его, то что-же теперь?..

— Верни его! — закричала старушка и потащила мужа къ двери. — Неужели ты думаешь, что я испугаюсь ребенка, котораго я сама родила и выняпчила?

Онъ сошелъ внизъ въ темнотѣ и ощупью пробрался въ гостиную, къ полкѣ надъ каминомъ. Талисманъ лежалъ тутъ, на мѣстѣ, и леденящій ужасъ охватилъ его при мысли, что невысказанное еще желаніе можетъ вдругъ вызвать сюда его искалѣченнаго, обезображеннаго сына, прежде чѣмъ ему удастся убѣжать изъ комнаты. У него захватило дыханіе, когда онъ замѣтилъ, что заблудился и не можетъ сразу найти двери. Обливаясь холоднымъ потомъ, онъ ощупалъ столъ, обошелъ вокругъ него и осторожно пробирался по стѣнѣ, пока не очутился въ узкомъ корридорѣ, съ этой роковой вещью въ рукѣ.

Даже лицо жены показалось ему уже не тѣмъ, когда онъ вошелъ обратно въ спальню. Оно было блѣдно и исполнено напряженнаго ожиданія и, къ сильнѣйшему его страху, ему почудилось въ немъ что-то неестественное, призрачное. Онъ просто боялся ея.

— Говори свое желаніе! — закричала громко и пронзительно.

— Это глупо и грѣшно, — слабо бормоталъ онъ.

— Говори, — повторила жена еще рѣшительнѣе.

Онъ поднялъ руку съ талисманомъ:

— Я желаю, чтобы сынъ мой опять ожилъ...

Лапа упала на полъ и онъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ. Потомъ, весь дрожа, онъ опустился въ кресло, пока старуха, съ горящими глазами, подходила къ окну и поднимала шторы.

Онъ сидѣлъ, пока не продрогъ отъ ночной стужи, взглядывая время отъ времени на фигуру жены, глядѣвшей, не открывалась, въ окно. Огарокъ догоравшій

въ подсвѣчникѣ, отбрасывалъ мерцающія тѣни на потолокъ и стѣны и, наконецъ, вспыхнулъ въ послѣдній разъ ярче прежняго, потухъ окончательно. Старикъ, съ чувствомъ невыразимаго облегченія отъ неудачи талисмана, пробрался обратно въ постель, и нѣсколько минутъ спустя, старушка тоже молча и апатично присоединилась къ нему.

Ни одинъ не промолвилъ ни слова, но оба лежали съ открытыми глазами, прислушиваясь къ тиканью стѣнныхъ часовъ. Скрипнула ступенька на лѣстницѣ, и пискливая мышь шумно пробѣжала за стѣной. Темнота давила и угнетала ихъ, и, полежавъ нѣсколько времени неподвижно, собираясь съ духомъ, старикъ зажегъ спичку и пошелъ внизъ за свѣчей.

Внизу лѣстницы спичка погасла; онъ остановился, чтобы зажечь другую и, въ эту самую минуту, услыхалъ тихій, робкій, едва слышимый стукъ во входную дверь.

Спички выпали у него изъ рукъ и разсыпались по полу. Онъ стоялъ неподвижно, затанувъ дыханіе, пока стукъ не повторился. Тогда онъ быстро повернулся, бросился обратно по лѣстницѣ и захлопнулъ за собой дверь спальни. Въ третій разъ раздался тотъ-же стукъ.

— Чтó это? — вскричала старуха, вздрогнувъ.

— Крыса, — отвѣчалъ мужъ дрожащимъ голосомъ. — Крыса; она пробѣжала мимо меня по лѣстницѣ.

Жена его сѣла на постели и прислушалась. Опять громкій стукъ раздался по всему дому.

— Это Гербертъ! — закричала она безумно. — Это Гербертъ!..

Она побѣжала къ двери, но мужъ предупредилъ ее, схватилъ за руку и удержалъ.

— Чтó ты хочешь дѣлать? — прошепталъ онъ хрипло.

— Это мой мальчикъ, это Гербертъ! — закричала она опять, вырываясь изъ рукъ мужа. — Я забыла, что ему нужно пройти двѣ мили! Зачѣмъ ты меня держишь? Пусти! Я должна отворить дверь.

— Ради Бога, не выпускай его въ домъ! — закричалъ старикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ты боишься собственнаго сына! — воскликнула она, все продолжая вырываться. — Пусти меня. Я иду, Гербертъ, иду!

Стукъ послышался еще и еще, все настойчивѣе и громче. Старуха вдругъ рванулась, высвободила свою руку и побѣжала изъ комнаты. Мужъ послѣдовалъ за ней на площадку лѣстницы, умоляя ее вернуться, но она поспѣшно сбѣжала внизъ. Онъ услышалъ бряцаніе сброшенной цѣпи и скрипъ нижняго двернаго засова, который она медленно и тяжело отодвинула. Затѣмъ раздался ея голосъ, напряженный и задыхающійся.

— Засовъ! — закричала она громко. — Верхній засовъ! Сойди внизъ; я не достану его.

Но мужъ ея ползалъ на четверенькахъ по полу, судорожно шаря руками по всѣмъ направленіямъ, отыскивая роковую далгу. Если-бъ только онъ могъ найти ее прежде, чѣмъ проникнетъ въ домъ то ужасное, что стоитъ теперь снаружи! Настоящій градъ ударовъ сыпался на дверь, потрясалъ ее, грохоталъ по всему дому, и онъ слышалъ, какъ стукнули ножки стула, который жена его принесла въ переднюю и приставила къ двери. Онъ услышалъ, какъ она съ трудомъ вытаскивала второй засовъ, но въ ту-же минуту подъ руку ему попалась обезьянья лапа, и онъ безумно прохрипѣлъ свое третье и послѣднее желаніе...

Стукъ вдругъ прекратился, хотя отзвуки его все еще раздавались по дому. Онъ слышалъ, какъ отодвигали стулъ, и какъ дверь отворилась. Порывъ холоднаго вѣтра ворвался на лѣстницу, и громкій, протяжный вопль жены — вопль разочарованія и отчаянія — придавалъ мужу смѣлость сбѣжать внизъ къ ней, а потомъ и дальше, къ калиткѣ. Блѣдный фонарь, тускло мерцавшій напротивъ, освѣщалъ мирную и совершенно пустынную улицу.

ТРОЕ ЗА СТОЛОМЪ.

(Three at table).

Разговоръ шелъ преимущественно о всякаго рода призракахъ и сверхъестественныхъ явленіяхъ, и почти каждый изъ присутствующихъ внесъ свою лепту въ общій запасъ свѣдѣній по этому, еще далеко невыясненному предмету. Мнѣнія были различны, начиная съ полнѣйшаго отрицанія и по дѣтской, безотчетной вѣры, причемъ одинъ изъ вѣрующихъ зашелъ даже такъ далеко, что назвалъ отрицаніе недостаткомъ религіозности.

— Послушайте только, какихъ чудесъ не рассказываютъ моряки! — сказалъ онъ важно, совершенно игнорируя заданные ему два или три насмѣшливыхъ вопроса.

— Ну, я-бы не совѣтовалъ вамъ вѣрить всему, что они говорятъ, — сказалъ полный, гладко выбритый человѣкъ, до тѣхъ поръ внимательно прислушивавшійся къ разговору, почти не принимая въ немъ участія. — Видите-ли, когда морякъ съѣзжаетъ на берегъ, отъ него всѣ ждуть рассказовъ, и его друзья были-ли даже разочарованы, если-бы оказалось, что ему нечего рассказать.

— Однако, это общеизвѣстный фактъ, что морякамъ часто являются видѣнія, — настойчиво прервалъ первый собесѣдникъ.

— Да. — сухо подтвердилъ тотъ.

— Сами вы никогда ничего не видали? — спросилъ одинъ изъ вѣрующихъ.

— Я пробыль на морѣ мальчикомъ, юношей и взрослымъ мужчиной подрядъ полныхъ тридцать лѣтъ, — былъ отвѣтъ: — но единственное неприятное приключеніе въ области чрезвычайнаго случилось со мной въ мирной, англійской деревушкѣ.

— Что-же это было? — спросилъ кто-то.

— Въ то время я былъ еще молодъ, — началъ рассказчикъ, затягиваясь трубкой и добродушно поглядывая на присутствующихъ. — Я только-что вернулся изъ Китая, и такъ какъ родные мои въ ту пору отсутствовали, то я отправился въ деревню, рассчитывая получить приглашеніе погостить отъ дяди. Однако, по прїѣздѣ къ нему я нашелъ домъ закрытымъ: оказалось, что вся семья была на югѣ Франціи, но такъ какъ ихъ ждали обратно дня черезъ два, я рѣшилъ остановиться въ «Королѣ Георгѣ», очень порядочномъ постояломъ дворѣ, и дожидаться ихъ возвращенія.

Первый день я провелъ очень недурно, но къ вечеру скука и однообразіе маленькаго мѣстечка, гдѣ я былъ въ то время единственнѣйшимъ посѣтителемъ, начали меня сильно одолевать, и на слѣдующее утро, послѣ довольно поздняго завтрака, я вышелъ изъ деревни съ намѣреніемъ хорошенько пройтись.

Началъ я свою прогулку въ наилучшемъ расположеніи духа, потому что день былъ прекрасный, ясный и морозный. Мѣстность была, правда, довольно плоская, но зато много было лѣсовъ, и деревни, черезъ которыя я проходилъ, попадались все старинныя и живописныя. Я роскошно позавтракалъ хлѣбомъ съ сыромъ и бутылкой пива за стойкой небольшого придорожнаго трактирчика и рѣшилъ пройти еще немного, прежде чѣмъ поверну обратно. Когда-же, наконецъ, мнѣ показалось, что я зашелъ довольно далеко, я свернулъ на тропинку, пересѣкавшую подѣ прямымъ угломъ дорогу, по которой я шелъ, рассчитывая вернуться домой другимъ путемъ. Говорятъ обыкновенно, что длинна только та тропинка, кото-

рая не имѣеть поворота, но у этой оказалось ихъ даже нѣсколько, и каждая, въ свою очередь, еще куда-нибудь заворачивала; вели-же онѣ всѣ, какъ я убѣдился, прослѣдивъ двѣ или три изъ нихъ, большей частью прямо въ открытое болото. Тогда, соскучившись идти тропинками, я рѣшилъ положиться на маленькій компасъ, который всегда носилъ на часовой цѣпочкѣ, и отправился домой безъ всякой дороги, напрямикъ.

Я уже достаточно углубился въ болотистую равнину, когда густой, бѣлый туманъ, до сихъ поръ только клубившійся надъ незаствытыми лужами и озерами, началъ медленно распространяться. Уйти отъ него было невозможно, но мой компасъ не давалъ мнѣ кружиться на одномъ мѣстѣ, что неизбѣжно-бы случилось безъ него, и я подвигался впередъ, часто попадая въ лужи и спотыкаясь. Однако, я все шелъ и шелъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, часа въ четыре, когда ночь стала быстро надвигаться на помощь туману, не принужденъ былъ сознаться самому себѣ, что заблудился.

Компасъ не могъ уже принести мнѣ никакой пользы, и я тревожно блуждалъ на угадъ, крича время отъ отъ времени какъ можно громче, въ надеждѣ быть услышаннымъ какимъ-нибудь прохожимъ пастухомъ или работникомъ. Наконецъ, мнѣ посчастливилось наткнуться на изрытую колеями дорогу, проложенную по болоту, и выступая очень медленно и ощупывая каждый шагъ своей палкой, я ухитрился не сбиваться съ нея довольно долго. Я прошелъ по ней уже порядочно, когда услыхалъ приближавшіеся шаги.

Оба мы остановились, когда встрѣтились, и новоприбывшій, дюжій крестьянинъ, узнавъ о моемъ затрудненіи, вернулся со мной обратно на цѣлую милю и, выведя меня на другую, болѣе наѣзженную дорогу, подробно объяснилъ какъ достигнуть деревни. находившейся въ трехъ миляхъ отсюда.

Я до того усталъ, что три мили казались мнѣ

цѣлымидесятью: къ тому-же я увидалъ въ небольшомъ разстояніи отъ дороги, чуть замѣтный отблескъ освѣщеннаго окна. Я указалъ на него, но спутникъ мой содрогнулся и бросилъ вокругъ себя тревожный взглядъ.

— Вы тамъ ничего не добьетесь хорошаго, — ска- залъ онъ поспѣшно.

— Почему такъ? — спросилъ я.

— Тамъ что-то такое есть, сэръ, — отвѣчалъ онъ. — Что именно, я не знаю, но ребенокъ бывшаго здѣшняго сторожа увидалъ его однажды да такъ и зачахъ, никогда не могъ поправиться. Кто говорить, что это какой-то несчастный сумасшедшій, а кто — что какое-то животное, но во всякомъ случаѣ, что-бы тамъ ни было, а увидѣть его не хорошо.

— Если такъ, то я пойду дальше, — сказалъ я. — До свиданія.

Онъ ушелъ, весело насвистывая какую-то пѣсню, и вскорѣ звукъ его шаговъ затерялся въ отдаленіи, а я побрелъ по указанной имъ дорогѣ, пока она не раздѣлилась вдругъ на-трос, и каждая изъ этихъ трехъ, для человѣка, совершенно незнакомаго съ мѣст- ностью, могла одинаково показаться прямой. Къ тому времени я такъ уже усталъ и прозябъ, что послѣ нѣкотораго колебанія, медленно повернулъ назадъ, къ замѣченному мною дому.

Сначала я только и могъ разглядѣть, что ма-ленькую полоску свѣта въ окнѣ. Я направился прямо на нее, какъ вдругъ она исчезла, и я наткнулся на высокую изгородь. Ощупывая ее руками, я достигъ наконецъ небольшой калитки и, осторожно отво- ривъ ее, пошелъ, не безъ робости, по длинной тропинкѣ, ведущей къ дому. Внутри все было темно; не слышалось никакого звука. Наполовину раскаи- ваясь въ своей неосторожности, я слегка постучалъ палкой въ дверь.

Я подождалъ минуты двѣ, потомъ опять началъ стучать, и палка моя еще колотила по двери, когда

она вдругъ отворилась, и на порогѣ показалась высокая, костлявая старуха, со свѣчей въ рукахъ.

— Что вамъ нужно? — спросила она ворчливо.

— Я заблудился, — сказалъ я вѣжливо: — и мнѣ хотѣлось-бы добраться до Ашвиля.

— Не знаю, гдѣ это, — отвѣчала старуха.

Она собиралась уже захлопнуть дверь, когда изъ внутренней комнаты вышелъ въ переднюю мужчина и подошелъ къ намъ. То былъ старикъ, высокаго роста и широкоплечій.

— Ашвиль отсюда въ пятнадцать миляхъ, — произнесъ онъ медленно.

— Если вы проводите меня до ближайшей деревни, я буду вамъ очень благодаренъ, — замѣтилъ я.

Онъ не отвѣчалъ, но обмѣнялся украдкой быстрымъ взглядомъ съ женщиной. Та сдѣлала отрицательное движеніе.

— До ближайшей деревни три мили, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и видимо стараясь смягчить грубый отъ природы голосъ. — Если вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, переночуете здѣсь, я постараюсь, чтобы вамъ было у меня какъ можно удобнѣе.

Я колебался. Они выглядѣли, во всякомъ случаѣ, престранной парой, эти двое, и мрачная передняя съ полосами свѣта и тѣни, отбрасываемыми мерцающей свѣчей, казалась мнѣ такъ-же мало привлекательною, какъ и туманная мгла, царившая снаружи.

— Вы очень добры, — пробормоталъ я нерѣшительно: — но...

— Войдите, — сказалъ онъ быстро. — Затвори дверь, Анна.

Прежде чѣмъ я могъ сообразить, что дѣлаю, я уже стоялъ въ передней, а старуха, ворча что-то себѣ подъ носъ, запирала за мной дверь. Съ непріятнымъ чувствомъ въ душѣ, я послѣдовалъ за хозяиномъ дома въ комнату и, усѣвшись на предложенный имъ стулъ, началъ отогрѣвать свои застывшіе пальцы передъ огнемъ.

— Ужинъ будетъ вскорѣ готовъ, — сказалъ старикъ, смотря на меня пристально. — Если вы позволите...

Я поклонился, и онъ вышелъ изъ комнаты. Минуту спустя я услышалъ звукъ голосовъ, его и старухи, и еще, какъ мнѣ показалось, чей-то третій. И прежде чѣмъ я успѣлъ окончить осмотръ комнаты, онъ уже вернулся и опять уставился на меня тѣмъ-же страннымъ взглядомъ, который я уже замѣтилъ раньше.

— Насъ будетъ трое за столомъ, — сказалъ онъ, наконецъ. — Мы съ вами и мой сынъ.

Я опять поклонился и про себя пожелалъ, чтобъ этотъ взглядъ былъ не наслѣдственный въ его семьѣ.

— Я думаю вамъ все равно ужинать въ темнотѣ? — сказалъ онъ отрывисто.

— Конечно, все равно, — отвѣчалъ я стараясь по мѣрѣ возможности скрыть свое удивленіе. — Но, право, я очень боюсь, что стѣсняю васъ. Если вы разрѣшите...

Онъ замахалъ своими огромными, мускулистыми руками.

— Нѣтъ, ужъ мы не выпустимъ васъ теперь, когда залучили, — сказалъ онъ съ рѣзкимъ смѣхомъ. — У насъ рѣдко бываютъ гости, и разъ вы намъ попались, мы васъ не выпустимъ. У моего сына болятъ глаза, и онъ не выноситъ свѣта. Да вотъ и Анна.

Въ эту минуту старуха вошла въ комнату и, поглядывая на меня искоса, начала развертывать скатерть, между тѣмъ какъ хозяинъ дома, придвинувъ къ камину другой стулъ, молча усѣлся на него и сталъ пристально глядѣть на огонь. Накрывъ на столъ, жепщина принесла пару цыплятъ уже совсѣмъ разрѣзанныхъ и, придвинувъ три стула, вышла. Старикъ, видимо, колебался съ минуту, потомъ всталъ, поставилъ передъ огнемъ большой, широкой экранъ и медленно потушилъ свѣчи.

— Игра въ жмурки, — сказалъ онъ съ неловкой,

напускной шутливостью и, оцупью добравшись до двери, отворилъ ее. Кто-то вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ нимъ и медленно, нерѣшительно усѣлся за столъ, и въ то-же время самый странный, необыкновенный голосъ, какой мнѣ когда-либо доводилось слышать, нарушилъ молчаніе, начинавшее становиться подавляющимъ.

— Холодная ночь, — протяжно проговорилъ этотъ голосъ.

Я отвѣчалъ утвердительно и, несмотря на отсутствіе свѣта, принялся за ѣду съ аппетитомъ, который былъ только возбужденъ моею небольшою закуской среди дня. Было не совсѣмъ-то легко и удобно ѣсть въ темнотѣ, и каждое движеніе моихъ невидимыхъ товарищей ясно доказывало, что и для нихъ ѣда при подобной обстановкѣ вещь такая-же непривычная, какъ и для меня. Мы сидѣли молча до тѣхъ поръ, пока старуха не вошла снова въ комнату, спотыкаясь на мебель, съ чѣмъ-то сладкимъ, и съ грохотомъ опустила его на столъ.

— Вы первый разъ въ этой мѣстности? — снова освѣдомился странный голосъ.

Я опять отвѣчалъ утвердительно и пробормоталъ что-то о томъ, что мнѣ посчастливилось наткнуться на такой вкусный ужинъ.

— «Наткнуться», какъ разъ подходящее выраженіе, — угрюмо проговорилъ голосъ. — Ты забылъ портерь, отецъ.

— Это правда, — сказалъ старикъ, вставая съ мѣста. — Сейчасъ достану и принесу.

Онъ добрался оцупью до двери и, затворивъ ее за собой, оставилъ меня одного съ моимъ незрпмымъ сосѣдомъ. Во всей этой исторіи было нѣчто до того странное и неестественное, что я начинать чувствовать себя далеко не спокойно.

Хозяинъ что-то долго не возвращался. Я слышалъ, какъ мой визави положилъ на столъ свои ножъ и вилку, и мнѣ почти почудилось, что я вижу

пару безумныхъ глазъ, сверкающихъ въ темнотѣ, какъ глаза кошки.

Съ усиливающимся чувствомъ тревоги я отодвинулъ свой стулъ отъ стола. Онъ задѣлъ ножкой за коверъ, разостланный передъ каминомъ и, при моей попыткѣ освободить его, экранъ съ шумомъ опрокинулся, и я вдругъ увидѣлъ, при мерцающемъ свѣтѣ огня, лицо находившагося передо мной существа. У меня захватило дыханіе; я вскочилъ со стула и стоялъ выпрямившись, сжавъ кулаки. Человѣкъ это или животное? Пламя вспыхнуло ярче и вдругъ погасло, и при красноватомъ свѣтѣ угольевъ лицо это имѣло еще болѣе отталкивающій, дьявольскій видъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мы смотрѣли другъ на друга молча; затѣмъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ старикъ. Онъ остановился въ ужасѣ, при видѣ яркаго отблеска камина, потомъ, подойдя къ столу, машинально поставилъ на него двѣ бутылки.

— Простите меня, — сказалъ я, успокоенный его присутствіемъ: — я нечаянно опрокинулъ экранъ. Позвольте мнѣ поставить его, какъ онъ былъ.

— Нѣтъ, — мягко сказалъ старикъ: — оставьте его, будетъ съ насъ темноты. Я сейчасъ освѣщу васъ.

Онъ чиркнулъ спичкой и медленно зажегъ свѣчи. Тогда я увидѣлъ, что у сидѣвшаго передо мной мужчины былъ только остатокъ лица, какое-то длинное, тощее подобіе волчьей морды, на которомъ сверкалъ одинъ уцѣлѣвшій глазъ, единственная неповрежденная часть всего лица. Я былъ сильно смущенъ и взволнованъ, смутно догадываясь объ истинѣ.

— Сынь мой пострадалъ нѣсколько лѣтъ назадъ на пожарѣ, — сказалъ старикъ. — Съ тѣхъ поръ мы постоянно вели очень уединенную жизнь. Когда вы постучались въ нашу дверь, мы... — голосъ его задрожалъ: — то-есть... сынъ мой...

— Я думалъ, — просто сказалъ сынъ, что мнѣ лучше будетъ не приходить къ ужину. Но сегодня,

какъ парочно, день моего рожденья; отецъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобъ я ужиналъ одинъ, такъ что мы и придумали эту глупость, ужинать въ темнотѣ. Мнѣ жаль, что я испугалъ васъ.

— Мнѣ жаль, — сказалъ я, схвативъ черезъ столъ его руку и крѣпко пожимая ее. — Мнѣ отъ души жаль, что я оказался такимъ дуракомъ; но вы испугали меня только потому, что было темно.

По легкому румянцу, покрывшему щеки старика, и по какому-то смягченному, довольному выраженію, блеснувшему въ бѣдномъ одинокомъ глазѣ передо мной, я увидѣлъ, что попалъ вѣрно, и втайнѣ порадовался своему послѣднему замѣчанію.

— Мы никогда никого не видимъ, — сказалъ старикъ, какъ-бы извиняясь, — и искушеніе побытъ въ обществѣ оказалось слишкомъ сильно. Впрочемъ, не знаю, что мы могли-бы сдѣлать иначе.

— Во всякомъ случаѣ ничего такого, что было-бы и на половину такъ хорошо, какъ это, я въ этомъ увѣренъ, — сказалъ я.

— Итакъ, — продолжалъ онъ почти вполголоса: — теперь, когда мы узнали другъ друга, придвинемся все къ огню, и будемъ справлять сегодняшній день рожденья какъ слѣдуетъ.

Онъ поставилъ передъ каминномъ маленькій столикъ для стакановъ, досталъ ящикъ съ сигарами и, пододвинувъ стулъ для старой служанки, строго приказалъ ей сѣсть и выпить съ нами. Если разговоръ нашъ и не отличался особеннымъ блескомъ, то все-же онъ не изсякалъ ни на минуту, и все мы до того оживились, что мнѣ рѣдко приходилось бывать въ болѣе веселомъ обществѣ. Время летѣло совершенно незамѣтно, и мы едва повѣрили своимъ ушамъ, когда вдругъ услышали, въ перерывѣ разговора, что часы въ передней бьютъ двѣнадцатъ.

— Ну, еще послѣдній тостъ, прежде чѣмъ мы разойдемся на почъ, — сказалъ хозяинъ, бросая въ каминъ окурокъ сигары и оборачиваясь къ столу.

Мы выпили уже нѣсколько тостовъ передъ этимъ, но въ движеніяхъ старика, когда онъ всталъ и поднялъ стаканъ, было что-то трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное. Его высокая фигура, казалось, выпрямилась, стала еще выше, и голосъ его зазвенѣлъ, когда онъ смотрѣлъ съ гордостью на своего обезображеннаго сына.

— За здоровье дѣтей, спасенныхъ моимъ сыномъ! — сказалъ онъ и залпомъ осушилъ стаканъ.

СЫНОКЪ.

(Sam's boy).

День уже клонился къ вечеру, когда изрядно проголодавшійся Джонсъ брелъ потихоньку по Альдгету, зорко высматривая въ уличномъ сору или въ сточныхъ желобахъ чего-нибудь такого, что могло-бы пригодиться ему на ужинъ. Онъ искренно сожалѣлъ, что не приберегъ ничего отъ своего обѣда, состоявшаго изъ куска черстватаго хлѣба и прѣлага яблока.

Альдгетъ оказался безплоднымъ, и онъ повернулъ въ болѣе спокойныя края, по Минорной улицѣ, искусно избѣжалъ подзатыльника, почти машинально преподнесеннаго ему стоявшимъ на углу полицейскимъ, и погрузился въ созерцаніе отчаянныхъ усилій, производимыхъ какой-то бродячей дворняжкой, чтобы втереться въ милость къ избранному ею прохожему. Намѣченная жертва сначала ругалась, потомъ замахнулась на собаченку, наконецъ, даже бросилась за ней съ палкой — ничто не помогло! Въ концѣ-концовъ прохожій, человекъ, повидимому, очень добродушный, имѣлъ слабость погладить по головѣ робкаго искателя его милости, который отвѣчалъ ему страстнымъ лизаньемъ руки и усиленнымъ маханьемъ хвоста. Это рѣшило его участь; прохожій взялъ собаченку на руки и понесъ ее, очевидно, къ себѣ домой.

Билли Джонсъ слѣдилъ за происходившимъ съ возрастающимъ интересомъ, къ которому примѣшивалась и доля зависти. Отчего онъ не собака? Сердоболезный прохожій уходилъ съ своей ношей, которая съ радостнымъ визгомъ старалась лизнуть его въ ухо.

— Ну, ей-то хорошо, — проговорилъ мальчикъ тоскливо. — И полицейскіе теперь не тронуть, и бѣды будетъ вволю. Хотѣлось-бы мнѣ быть собакой!

Онъ подвязалъ свои сползавшіе панталоны обрывкомъ веревки, которая валялась на тротуарѣ и, освободивъ такимъ образомъ руки, засунулъ ихъ въ двѣ прорѣхи, изображавшія карманы, и засвисталъ. Мальчикъ онъ былъ не гордый и охотно готовъ былъ воспользоваться урокомъ, даннымъ ему безсловесной тварью. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не хуже-же онъ собаки?

Мысль эта промелькнула у него какъ разъ въ ту минуту, когда мимо него проходилъ коренастый, добродушнаго вида матросъ съ двумя товарищами. Лицо у него было доброе и веселое. Минута колебанія — и Джонсъ съ храбростью, порожденной отчаяніемъ, побѣжалъ за нимъ и дернулъ его за рукавъ.

— Вотъ-те на! — проговорилъ мистеръ Самуэль Броунъ, оглядываясь. — Что тебѣ надо?

— Васъ, папаша, — сказалъ Джонсъ.

Лицо веселаго моряка освѣтилось улыбкой, такъ-же какъ и лица его товарищей.

— Но я тебѣ не отецъ, пріятель, — сказалъ онъ добродушно.

— Нѣтъ, отецъ, — съ рѣшимостью отчаянія произнесъ Билли. — Вы знаете, что отецъ.

— Ты ошибся, мальчикъ, — сказалъ мистеръ Броунъ, все еще улыбаясь. — На, вотъ тебѣ и проваливай.

Онъ пошарилъ у себя въ карманѣ и вытащилъ пенни. Это былъ подарокъ, а не подкупъ, но онъ далеко не произвелъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывалъ дающій. Билли Джонсъ, теперь вполне убѣжденный въ томъ, что не ошибся въ выборѣ себѣ отца, только отсталъ темного, продолжая, однако, слѣдовать за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Слушай ты, мальчикъ, — вскричалъ мистеръ Броунъ, подзадоренный улыбкой, которой украдкой

обмѣнялись между собой мистеръ Чарльзъ Леджъ и мистеръ Гарри Гринъ: — ступай-ка ты лучше домой!

— А гдѣ вы теперь живете? — тревожно освѣдомился Билли.

Мистеръ Григъ, отбросивъ всякое притворство, хлопнулъ мистера Леджа по спинѣ и громко расхохотался, ласково поглядывая на Джонса.

— Ты не долженъ за мной слѣдовать, — строго сказалъ Самуэль: — слышишь ты?

— Хорошо, папаша, — покорно отвѣчалъ мальчикъ.

— И не смѣй называть меня папашей! — заремѣлъ мистеръ Броунъ.

— Отчего-же? — наивно спросилъ ребенокъ.

Мистеръ Леджъ вдругъ остановился и, схвативъ мистера Грина за плечо, объявилъ, что не въ силахъ идти далѣе. Мистеръ Гринъ, похлопывая его по спинѣ, отвѣчалъ, что вполне понимаетъ его чувства, потому что и самъ испытываетъ тоже самое и, обратившись къ Самуэлю, заявилъ, что онъ умолитъ ихъ обоихъ.

— Если ты сейчасъ-же не уберешься, — рѣзко крикнулъ Броунъ, обращаясь къ мальчику: — я тебѣ задамъ хорошую взбучку!

— Куда-же мнѣ убираться? — проговорилъ Джонсъ, всхлипывая и старательно увертываясь отъ Броуна.

— Отправляйся домой, — сказалъ Самъ.

— Да я туда и иду, — возразилъ Джонсъ, продолжая идти.

— Слушай-ка, Самъ, — проговорилъ мистеръ Леджъ таинственнымъ шопотомъ: — лучше удрать отъ него потихоньку, хотя это будетъ довольно-таки безсердечной штукой.

— Безсердечной? Что ты хочешь этимъ сказать? — воскликнулъ его несчастный пріятель. — Почему безсердечной?

— Ну, если ты принимаешь это такимъ образомъ, то не стоитъ тебѣ и совѣтовать, Самъ, — коротко

отрѣзалъ мистеръ Леджъ. — Любишь кататься, люби и саночки возить!

— Давно-ли ты его видѣлъ, пріятель? — спросилъ мистеръ Григъ.

— Не знаю. Нѣтъ, не очень давно, — осторожно отвѣчалъ мальчикъ.

— А измѣнился онъ съ тѣхъ поръ? — продолжалъ самозванный защитникъ, дѣлая знакъ мистеру Броуну потерпѣть.

— Нѣтъ, — твердо отвѣчалъ Билли: — ничуть не измѣнился.

— А какъ тебя зовутъ?

— Билли, — былъ отвѣтъ.

— Билли, а дальше?

— Билли Джонсъ.

Лицо мистера Грина прояснилось, и онъ обратился къ товарищамъ съ веселой улыбкой. Лицо Сама отразило то-же впечатлѣніе, но Чарли Леджъ все еще хмурился.

— Нельзя-же предполагать, чтобы Самъ женился дважды подъ однимъ и тѣмъ-же именемъ, — сказалъ онъ внушительно. — Подумай, Гарри, развѣ ты-бы такъ сдѣлалъ?

— Слушайте вы! — завопилъ взбѣшенный мистеръ Броунъ. — Не вмѣшивайтесь-ка лучше въ мои дѣла! Ты — крокодилъ, Чарльзъ, вотъ ты кто! А ты, маленькій чертенокъ, убирайся-ка лучше проворнѣе отсюда, пока цѣль!

И онъ быстро двинулся впередъ, въ сопровожденіи обоихъ пріятелей, дѣлая видъ, что смотритъ только прямо передъ собой, примѣръ, который, однако, не подѣйствовалъ на его товарищей.

— А, вѣдь, онъ все идетъ за тобой, Самъ, — скавдоль Найтингель-Лена и по Верхней улицѣ Ваппинга,

— Присталъ, какъ пѣвка, — подтвердилъ мистеръ Григъ: — и, вѣдь, мальчуганъ-то ничего, хорошенькій!

— Похожъ на мать, — пояснилъ мстительный мистеръ Леджъ.

Несчастный Самъ не сказалъ ни слова, но продолжалъ шагать, словно преслѣдуемый привидѣніемъ, вдоль Найтингель-Лена и по Верхней улицѣ Ваппинга, и дальше до самой шкуны «Нанси-Бель», стоявшей на якорѣ у пристани Шримпетъ. Онъ молча взошелъ на палубу и только когда повернулся, чтобы сойти по лѣстницѣ на бакъ, передъ глазами у него опять мелькнулъ образъ маленькаго оборванца, одиноко стоявшаго на пристани.

— Эй ты, мальчикъ, что тебѣ здѣсь надо?— закричалъ шкиперъ, замѣтивъ его.

— Я пришелъ къ отцу, сэръ, къ Саму, — отвѣчалъ многообщающій юноша, не проронившій ни слова изъ того, что говорилось между пріятелями.

Шкиперъ всталъ съ своего мѣста и началъ разглядывать его съ любопытствомъ. Чарли и Гарри, подойдя къ нему, объяснили въ чемъ дѣло. Нужно сказать, что шкиперъ былъ человѣкъ вообще свѣтскій, а Самуэль Броунъ, во время своего пребыванія на берегу, игралъ на какомъ-то духовомъ инструментѣ въ оркестрѣ «арміи спасенія». Шкиперъ ласково взглянулъ на мальчика и участливо заговорилъ съ нимъ.

— Ты не убѣгай, — сказалъ онъ заботливо.

— О, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, сэръ, — отвѣчалъ Джонсъ, очарованный такимъ обращеніемъ и слѣдя, затаивъ дыханіе, за тѣмъ, какъ шкиперъ подошелъ къ лѣстницѣ и, заглядывая внизъ, на бакъ, громко позвалъ Сама.

— Иду, сэръ, — отвѣчалъ недовольный голосъ.

— Тебя твой сынъ спрашиваетъ, — сказалъ шкиперъ, улыбаясь во весь ротъ.

— Это не мой сынъ, сэръ, — пробормоталъ Броунъ сквозь стиснутые зубы.

— Ну, все-же тебѣ лучше подняться сюда и взглянуть на него, — продолжалъ шкиперъ. — А увѣрять ли ты, что онъ тебѣ не сынъ, Самъ?

Мистеръ Броунъ не отвѣчалъ, но, взобравшись на палубу, встрѣтилъ заискивающую улыбку Джонса

самымъ холоднымъ и отталкивающимъ взглядомъ. Онъ судорожно вздрогнулъ, когда шкиперъ сдѣлалъ мальчику знакъ перейти на бортъ шкуны.

— Какой-же у него заброшенный видъ, Самъ, — сказалъ шкиперъ, покачивая головой.

— Какое-же мнѣ-то до этого дѣло? — съ ожесточеніемъ проговорилъ Самъ. — Говорю вамъ, что я его и въ глаза никогда не видалъ до нынѣшняго дня.

— Ты слышишь, что говорить твой отецъ? — сказалъ шкиперъ. — (Попридержи языкъ, Самъ). А гдѣ твоя мать, мальчикъ?

— Умерла, сэръ, — прохныкалъ Билли. — У меня никого нѣтъ, кромѣ него!

Шкиперъ былъ добрый человѣкъ и съ состраданіемъ глядѣлъ на стоявшую передъ нимъ маленькую, несчастную фигурку. Кромѣ того, Самъ славился на кораблѣ своимъ образцовымъ поведеніемъ, а въ Димпортѣ, откуда всѣ они были родомъ, изображалъ даже изъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, свѣточъ добродѣтели.

— А хотѣлъ-бы ты идти въ море съ отцомъ? — спросилъ вдругъ шкиперъ.

Выраженіе неописаннаго восторга, съ какимъ Джонсъ выслушалъ это предложеніе, было достаточнымъ отвѣтомъ.

— Я не для всякаго согласился-бы это сдѣлать, — продолжалъ шкиперъ, строго оглядываясь на своего помощника, который прыснулъ со смѣху: — но тебя, Самъ, я готовъ награждать. Пусть онъ ѣдетъ.

— Наградить? — повторилъ мистеръ Броунъ, едва выговаривая слова сквозь стиснутые зубы. — Меня награждать? Не хочу я вашей награды!

— Ну, ну, — прервалъ шкиперъ: — можешь не благодарить, не нужно. Бери его къ себѣ и дай ему чего-нибудь поѣсть. Онъ полумертвъ отъ голода, несчастный мальчишка!

Шкиперъ повернулся спиной къ Саму и ушелъ въ каюту, между тѣмъ, какъ поваръ, котораго мистеръ Броунъ не далѣе, какъ наканунѣ, публично обли-

чиль въ различныхъ прегрѣшеніяхъ, отвелъ мальчика въ кухню и накормилъ его вволю. Вслѣдъ затѣмъ Чарли вымылъ его, а Гарри отправился на берегъ и выпросилъ тамъ у знакомаго торговца подержанныя куртку и панталоны, которыя пришлись мальчику почти впору. Кромѣ того, тотъ-же торговецъ просилъ передать Броуну, что онъ удивляется его поведенію.

Въ этотъ вечеръ, когда Джонсъ заснулъ, разговоръ на бакѣ перешелъ на двоеженство, но мистеръ Броунъ усиленно прохрапѣлъ все время, хотя высказанное мистеромъ Леджемъ замѣчаніе, что происшествіе этого дня разъясняетъ для него многія, дослѣ смущавшія его особенности въ обращеніи Сама. — едва-едва не разбудило его.

Въ шесть часовъ утра «Нанси-Бель» снялась съ якоря, и мальчикъ чуть не сошелъ съ ума отъ восторга, когда она развѣтывала парусъ за парусомъ и съ помощью сильнаго попутнаго вѣтра быстро удалялась изъ Лондона. Мистеръ Броунъ старательно игнорировалъ его, но зато остальные матросы носились съ Джонсомъ, какъ съ игрушкой, и даже начальство проявило заботу, выразившуюся тѣмъ, что шкиперъ не разъ въ теченіе дня призывалъ къ себѣ Сама и дѣлалъ ему замѣчанія насчетъ поведенія его сына.

— Я не могу допустить такого кувырканья на моемъ кораблѣ, Самъ, — говорилъ онъ, покачивая головой. — Здѣсь ему не мѣсто.

— Удивляюсь, что ты учишь его такимъ вещамъ, — прибавилъ помощникъ съ серьезнымъ осужденіемъ.

— Я?.. — проговорилъ злосчастный Самъ, дрожа отъ негодованія.

— Навѣрно, онъ видалъ, какъ ты это дѣлаешь, — продолжалъ помощникъ, окидывая взглядомъ плотную фигуру Сама. — Ты, очевидно, вель двойственную жизнь, Самъ!

— Ну, это до насъ не касается, — нетерпѣливо прервалъ шкиперъ. — Пусть Самъ цѣлый день ходитъ колесомъ, если это его забавляетъ, мнѣ до этого нѣтъ

дѣла, лишь-бы они не продѣлывали того-же самаго здѣсь, вотъ и все. Нечего тебѣ стоять истуканомъ и дуться, Самъ; какъ я сказалъ, такъ и будетъ.

Онъ отошелъ, а мистеръ Броунъ, недоумѣвая, что-же, наконецъ, случилось: съ ума онъ сошелъ, или пьянъ, или и то и другое вмѣстѣ, забрался на носъ шкупы и долго, неутѣшно глядѣлъ на море. За его спиной товарищи потѣшались съ Джонсомъ, и, однажды, взглянувъ украдкой въ ту сторону, онъ увидалъ, что самъ шкиперъ учитъ мальчишку управлять рулемъ.

Все это до того разстроило Сама, что на слѣдующій день, когда они пристали въ маленькомъ, прибрежномъ городкѣ Визерси, чтобы сдать часть своего груза, онъ сказался больнымъ и выпросилъ позволеніе остаться внизу на койкѣ. Работа была исполнена безъ него, и въ девять часовъ вечера они двинулись дальше, и проплыли уже миля двѣ по направленію къ Димпорту, когда Чарли вдругъ выскочилъ на палубу съ извѣстіемъ, что Самъ пропалъ!

— Не говори глупостей, — сказалъ шкиперъ, пришедшій снизу, изъ каюты, по зову помощника.

— Но это фактъ, сэръ, — отвѣчалъ мистеръ Леджъ.

— Что-же мы будемъ дѣлать съ мальчикомъ? — въ недоумѣніи проговорилъ помощникъ.

— Броунъ плутъ, негодный старый плутъ! — съ жаромъ воскликнулъ шкиперъ. — Оставить у насъ на рукахъ мальчишку такимъ образомъ? Удивляюсь я ему! Не ожидалъ я этого отъ него. Самъ — дезертиръ.

— Вотъ, должно быть, потѣшается онъ теперь, сэръ, — замѣтилъ мистеръ Леджъ.

— Убирайся ты, — рѣзко сказалъ шкиперъ. — Убירהйся сію минуту, слышишь?..

— Но что-же намъ дѣлать съ мальчикомъ, желаль-бы я знать? — повторилъ помощникъ.

— Что-же можно съ нимъ сдѣлать, по вашему? — заревѣлъ шкиперъ благимъ матомъ. — Не выбросить-же намъ его за бортъ, какъ вы думаете?

— Я хотѣлъ сказать, когда придемъ въ Димпортъ, — проворчалъ помощникъ.

— Ну, люди тамъ разболтаютъ, — отвѣчалъ шкиперъ, успокаиваясь немного: — и можетъ быть жена Сама придетъ и возьметъ мальчишку. Если-же нѣтъ, ему, вѣроятно, придется отправиться въ работный домъ. Во всякомъ случаѣ, это ужъ будетъ не мое дѣло; я умываю руки во всей этой исторіи.

И онъ снова ушелъ внизъ, оставивъ помощника на рулѣ. Неясный говоръ доносился съ бака, гдѣ экипажъ обсуждалъ поведеніе своего недавняго товарища.

Огорченный Джонсъ, съ лицомъ, измазаннымъ слезами, поглядывалъ со своей койки.

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать, Билли? — спросилъ поваръ.

— Не знаю... — тоскливо отвѣчалъ мальчикъ.

Онъ долго сидѣлъ на койкѣ въ глубокомъ раздумьи, окидывая время отъ времени то того, то другого изъ людей своими острыми, маленькими глазенками. Затѣмъ, съ послѣднимъ всхлипываньемъ, посвященнымъ памяти исчезнувшаго родителя, онъ улегся спать и немедленно заснулъ.

На утро, съ свойственнымъ дѣтямъ легкомысліемъ, онъ уже забылъ свое горе и по-прежнему весело бѣгалъ по шкунѣ. Вскорѣ послѣ полудня показалась вдали гавань Димпорта; мистеръ Леджъ, составившій себѣ довольно высокое понятіе о мозгахъ, скрытыхъ въ этой маленькой головенкѣ, указалъ мальчику на приближавшійся городъ и съ любопытствомъ ожидалъ, что онъ скажетъ.

— Вижу, — коротко отрѣзалъ Джонсъ.

— Тамъ живетъ Самъ, — сказалъ его пріятель съ удареніемъ.

— Да, — отвѣчалъ мальчикъ, кивая головой. — Вы всѣ тутъ живете, кажется?

Замѣчаніе было совершенно невинно и сдѣлано въ простотѣ души, но въ глазахъ Джонса было что-то, заставившее мистера Леджа поспѣшно отойти отъ него

и поглядывать на него съ нѣкоторымъ безпокойствомъ съ противоположнаго конца шкуны. Мальчикъ, не подозрѣвая всеобщаго интереса, возбужденнаго его движеніями, тревожно шагаль по палубѣ.

— Малый волнуется, — сказалъ шкиперъ въ сторону, обращаясь къ помощнику. — Ничего, утѣшься, сынокъ.

Билли взглянулъ на него и улыбнулся; мрачное облако грусти, затуманивавшее его лицо, пока онъ думаль о безсердечномъ побѣгѣ мистера Броуна, смѣнилось выраженіемъ спокойнаго довольства.

— Что-то онъ замышляетъ такое? — шопотомъ проговорилъ помощникъ.

— Это ужъ не наша забота, — сказалъ шкиперъ. — Предоставьте событіямъ совершаться, какъ они знаютъ; вотъ мой девизъ.

И онъ взялъ колесо изъ рукъ Гарри. Маленькій городокъ приближался; дома раздвинулись, между ними показались улицы, и мальчикъ увидалъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, что церковь стоитъ сама по себѣ, на землѣ, а не на крышѣ большого, краснаго дома, какъ онъ сначала предполагаль. Онъ выбѣжалъ на носъ, когда они почти подошли уже къ пристани, и внимательно разглядываль набережную, не увидитъ-ли гдѣ пропавшаго Сама.

Шкиперъ залерь каюту и, приказавъ одному изъ людей присматривать за бакомъ, оставилъ его открытымъ для удобства маленькаго пассажира. Гарри, Чарли и поваръ отпросились въ городъ. Шкиперъ и его помощникъ собрались вслѣдъ за ними, и послѣдній, оглянувшись назадъ уже съ берега, обратилъ вниманіе своего принципала на маленькую фигурку, одиного и уныло сидѣвшую подлѣ люка.

— Ну, я думаю, что съ нимъ ничего не случится, — сказалъ шкиперъ. — На бакѣ есть постель, и пища ему оставлена. Вы могли-бы, впрочемъ, заглянуть на шкуну вечеромъ и убѣдиться въ его безопасно-

сти. Намъ придется, по всей вѣроятности, отвезти его съ собой обратно въ Лондонъ.

Они повернули въ небольшой переулокъ, по направлению къ своему кварталу, и продолжали путь молча, до тѣхъ поръ, пока помощникъ, оглянувшись, не вскрикнулъ отъ удивленія. Шкиперъ обернулся, и маленькая фигурка, которая только-что передъ тѣмъ стрѣлой вылетѣла изъ-за угла, остановилась на полпути и стала осторожно присматриваться къ нимъ. Мужчины обмѣнялись тревожными взглядами.

— Отецъ! — закричалъ звонкій, дѣтскій голосъ.

— Онъ... онъ кажется теперь васъ признаетъ за отца, — сказалъ шкиперъ хриплымъ голосомъ.

— Или васъ? — возразилъ помощникъ. — Я не обращаю на него особеннаго вниманія.

Онъ опять оглянулся. Джонсъ проворно слѣдовалъ за ними, саженьяхъ въ десяти разстоянія, а сажень на двадцать еще дальше виднѣлся весь экипажъ шкуны. Люди видѣли, какъ мальчикъ сошелъ на берегъ и послѣдовали за нимъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ присутствовать при развязкѣ.

— Отецъ, — закричалъ опять мальчикъ: — подожди меня!

Прохожіе съ удивленіемъ оглянулись, и помощникъ началъ съ безпокойствомъ подумывать о томъ, что находится въ небезопасномъ обществѣ.

— Разойдемся, — проворчалъ онъ; — и посмотримъ, за кѣмъ изъ насъ онъ послѣдуетъ.

Шкиперъ схватилъ его за руку.

— Крикните ему вернуться на шкуну, — проговорилъ онъ.

— Онъ за вами идетъ, говорятъ-же вамъ, — сказалъ помощникъ. — Кого тебѣ нужно, Билли?

— Мнѣ нужно моего отца, — крикнулъ юноша и, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, указалъ пальцемъ на взбѣшеннаго шкипера.

— Кого тебѣ нужно? — заревѣлъ послѣдній страшнымъ голосомъ.

— Тебя, отецъ, — проворковалъ Джонсъ.

Гнѣвъ и тревога поочередно выражались на лицѣ шкипера, пока онъ мысленно обсуждалъ, какъ ему лучше поступить: стереть-ли мистера Джонса съ лица земли, или спокойно продолжать свой путь, въ сознаніи своей невинности. Онъ избралъ послѣднее и пошелъ дальше, держась прямѣе и достойнѣе обыкновеннаго, пока не увидалъ вдали своего дома и жены, стоявшей у открытой двери.

— Вы войдите со мной, Джемъ, и объясните, — шепнулъ онъ помощнику. Потомъ онъ обернулся и крикнулъ людямъ подойти. Экипажъ, польщенный тѣмъ, что ему предлагали первый рядъ креселъ въ комедіи, быстро приблизился.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — спросила мистриссъ Гунтъ, съ изумленіемъ глядя на толпу, собравшуюся вокругъ ея крыльца.

— Ничего рѣшительно, — беззаботно отвѣчалъ ей мужъ.

— Кто этотъ мальчикъ?

— Это бѣдный, сумасшедшій мальчикъ, — сказала шкиперъ. — Онъ пришелъ на шкуну...

— Я вовсе не сумасшедшій, отецъ, — прервалъ Джонсъ.

— Бѣдный, сумасшедшій мальчикъ, — поспѣшно продолжалъ шкиперъ: — который пришелъ на шкуну въ Лондонъ и сказалъ, что старикъ Самъ Броунъ его отецъ.

— Нѣтъ, — ты мой отецъ! — закричалъ мальчикъ пронзительно.

— Онъ каждого называетъ отцомъ, — сказалъ шкиперъ съ тоскливой улыбкой. — Такова форма его помѣшательства. Онъ вотъ и Джема называлъ отцомъ...

— Нѣтъ, не называлъ, — отрывисто произнесъ помощникъ.

— А потомъ онъ думалъ, что Чарли ему отецъ...

— Нѣтъ, сэръ, — возразилъ Леджъ съ почтительной твердостью.

— Ну, во всякомъ случаѣ Сама Броуна онъ звалъ отцомъ, — сказалъ шкиперъ.

— Да, сэръ, это вѣрно, — подтвердилъ экипажъ.

— Гдѣ-же Самъ? — спросила мистриссъ Гунтъ, оглядываясь.

— Онъ сбѣжалъ со шкуны въ Визерси, — отвѣчалъ ей мужъ.

— Вижу, — сказала мистриссъ Гунтъ съ горькой улыбкой. — И всѣ эти люди пришли сюда, готовые поклясться, что мальчикъ называлъ Сама отцомъ? Не такъ-ли?

— Такъ точно, сударыня, — хоромъ отвѣчалъ весь экипажъ, въ восторгѣ, что его такъ скоро поняли.

Мистриссъ Гунтъ посмотрѣла черезъ дорогу на поля, разстилавшіяся передъ ней. Потомъ она вдругъ перевела свой взоръ на мужа и, глядя на него пристально, произнесла только два слова:

— Ахъ, Джо!..

— Но спроси-же у помощника! — вскричалъ шкиперъ въ изступленіи.

— Да, я знаю, что скажетъ помощникъ, — сказала мистриссъ Гунтъ. — Мнѣ незачѣмъ его спрашивать.

— Чарли и Гарри были съ Самомъ, когда мальчишка подошелъ къ нему, — все еще не сдавался шкиперъ.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, — отвѣчала жена его. — Ахъ, Джо, Джо. Джо!..

Послѣдовало неловкое молчаніе, во время котораго люди, переминаясь съ ноги на ногу, въ своемъ участіи къ затруднительному положенію начальства, подталкивали одинъ другого въ бокъ, тщетно стараясь придумать, что-бы такое сказать, чтобы очистить репутацію челоуѣка, котораго всѣ они уважали.

— Неблагодарный ты чертенокъ! — разразился наконецъ мистеръ Леджъ. — Послѣ того, какъ капитанъ былъ съ тобой такъ добръ, а ты...

— А очень онъ былъ добръ съ нимъ? — освѣдомилась жена капитана.

— Какъ от... какъ дядя, сударыня! — сказали неосторожный мистеръ Леджъ. — Позвольте ему остаться на кораблѣ и просто баловаль его. Мы всѣ удивлялись, что онъ такъ съ нимъ возится, не правда-ли, Гарри?

Онъ обернулся къ своему пріятелю, но прочелъ на лицѣ мистера Грина столько презрѣнія и негодующей насмѣшки, что невольно оскѣся и опѣшилъ. Онъ взглянулъ на шкипера и почти испугался его вида.

Положеніе разрѣшилось тѣмъ, что мистриссъ Гунтъ вошла обратно въ домъ, захлопнувъ за собой дверь съ шумомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго. Люди медленно разошлись, и сконфуженный мистеръ Леджъ впереди всѣхъ; помощникъ, проговоривъ вполголоса нѣсколько ободрительныхъ словъ шкиперу, также отправился во-своихъ. Капитанъ Гунтъ взглянулъ сначала на маленькаго виновника всѣхъ его бѣдствій, который благоразумно удалился на нѣкоторое разстояніе, потомъ на свой негостепріимный домъ. Наконецъ, съ жестомъ, полнымъ рѣшимости, онъ повернулъ ручку двери и вошелъ. Жена его, сидѣвшая въ креслѣ, съ глазами устремленными въ полъ, не двинулась.

— Слушай, Полли... — началъ онъ.

— Не говори со мной, — былъ отвѣтъ. — Я удивляюсь только, что ты еще можешь глядѣть мнѣ въ глаза!

Шкиперъ заскрежеталъ зубами, всячески стараясь сохранять хладнокровіе.

— Если-бъ ты была разсудительна... — замѣтилъ онъ строго.

— Я давно думала, что ты отъ меня скрываешь что-то, — сказала мистриссъ Гунтъ. — Я часто смотрѣла на тебя, когда ты сидѣлъ въ этомъ креслѣ съ озабоченнымъ лицомъ, и недоумѣвала, въ чемъ дѣло. Но никогда я не предполагала, что твоя тайна такъ ужасна! Я должна сказать, что никогда и не

помышляла о чемъ-либо подобномъ... Что?.. Что ты сказала?..

— Я сказала: «чортъ побери!» — неудержимо выпалилъ шкиперъ.

— Да, конечно, — свирѣпо возразила жена его. — Ты думаешь, что накричишь, напумишь и будешь правъ! Но меня ты не испугаешь, голубчикъ. Я не изъ тѣхъ робкихъ и смиренныхъ женщинъ, которыя мирятся съ чѣмъ угодно! Я не изъ тѣхъ...

— Да говорю-же тебѣ, — прервалъ шкиперъ:— что мальчишка cadaго величаетъ отцомъ. Навѣрно теперь онъ уже присталъ еще къ кому-нибудь.

Но пока онъ еще говорилъ, ручка двери шевельнулась, дверь медленно начала отворяться, и въ образовавшееся отверстіе выглянуло встревоженное лицо Джонса. Мистриссъ Гунтъ, уловивъ взглядъ шкипера, указала на него безмолвнымъ отъ избытка гнѣва и негодованія жестомъ. Послѣдовала минута трепетнаго молчанія, нарушенная наконецъ мальчикомъ.

— Мама... — проговорилъ онъ потихоньку.

Мистриссъ Гунтъ такъ и застыла въ своемъ креслѣ. Отъ изумленія у нея опустились руки, и она не могла произнести ни слова. Джонсъ, растворивъ дверь немного пошире, осторожно просунулъ въ отверстіе свою тщедушную фигурку. Шкиперъ бросилъ быстрый взглядъ на жену и тотчасъ-же, поспѣшно отвернувшись, закрылъ ротъ рукой и сталъ пристально смотрѣть въ окно.

— Мама, могу я войти? — сказалъ мальчикъ.

— Ахъ, Полли... — вздохнулъ шкиперъ.

Мистриссъ Гунтъ тщетно старалась обрѣсти даръ слова, котораго лишило ее изумленіе.

— Я?!. что такое?.. Джо... не будь глупъ!

— Да, конечно, — произнесъ шкиперъ трагическимъ тономъ. — Ахъ, Полли, Полли, Полли!..

Онъ опять закрылъ ротъ рукой, смѣясь втихомолку, пока жена, подойдя къ нему сзади, не схватила его за плечи и не начала трясти изо всѣхъ силъ.

— Такъ вотъ, — проговорилъ шкиперъ задыхающимъ голосомъ: — вотъ о чемъ... ты тревожилась... Вотъ та тайна, которая...

Онъ внезапно остановился, такъ какъ жена втолкунула его въ кресло и, стоя надъ нимъ со свирѣпымъ лицомъ, какъ-бы вызвала его произнести хоть слово. Потомъ она обратилась къ мальчику.

— Что это значитъ? Ты называешь меня матерью? — спросила она. — Я тебѣ не мать.

— Нѣтъ, ты моя мать, — сказалъ Джонсъ.

Мистриссъ Гунтъ посмотрѣла на него совершенно озадаченная, но когда новый взрывъ хохота, раздавшійся съ кресла, занятаго шкиперомъ, возвратилъ ее къ сознанию дѣйствительности, она обернулась къ этому легкомысленному человѣку и принялась усердно колотить его, въ надеждѣ привести въ болѣе серьезное настроеніе. Не достигнувъ, однако, своей цѣли, она сѣла рядомъ съ нимъ и, послѣ короткой, неудачной борьбы съ собой, начала смѣяться и сама, и притомъ смѣяться такъ искренно, что Джонсъ, сочувственно улыбаясь, затворилъ за собой дверь и смѣло вошелъ въ комнату.

Всеобщее предположеніе, что капитанъ Гунтъ и жена его усыновили мальчика, — невѣрно: шкиперъ объясняетъ постоянное пребываніе мальчика въ ихъ домѣ тѣмъ простымъ фактомъ, что онъ усыновился у нихъ. И объясненіе это, если не кому-либо другому, то ужъ во всякомъ случаѣ мистеру Самуэлю Броуну кажется весьма понятнымъ и правдоподобнымъ.

БѢЛЫЕ АРАПЫ.

(False colours).

I.

— Конечно, на морѣ по временамъ бываетъ много притѣсненій, — задумчиво сказалъ старый боцманъ. — Люди называютъ это притѣсненіями, а офицеры дисциплиной, но это все одно и то-же подъ разными названіями. Почти каждому на кораблѣ есть кого притѣснить, кромѣ развѣ младшаго юнга; ему достается больше всѣхъ; развѣ только удастся когда въ свою очередь поймать корабельнаго кота и расправиться съ нимъ паединѣ.

Мнѣ кажется, что вообще моряки не очень-то обижаются на притѣсненія. Я никогда не слыхалъ, чтобы кто нибудь лишился изъ-за нихъ ѣды и питья. А вѣдь это самое главное, что ни говори.

Помощники часто бываютъ еще хуже самихъ шкиперовъ. Во-первыхъ, они знаютъ, что они не шкипера, и этого однако уже достаточно, чтобы испортить имъ характеръ, въ особенности, если они давно уже получили свое свидѣтельство, и все не могутъ добиться мѣста, за неимѣніемъ вакансіи.

Я помню, много лѣтъ тому назадъ, мы стояли въ Калькуттѣ на «Стержнѣ». Такой былъ бригъ, что лучше и желать нельзя, и былъ у насъ тамъ старшій офицеръ — просто позоръ для всѣхъ своихъ братьевъ: скверный, грубый, жестокий человекъ, который особенно донималъ людей тѣмъ, что ругалъ ихъ

такими словами, которыхъ не только они не понимали, но даже и въ словарь-то ихъ невозможно было найти.

Быль у насъ одинъ малый, Биль Козенсъ по имени, къ которому онъ особенно придирался. Биль имѣлъ, къ несчастью, рыжіе волосы, и помощникъ постоянно насмѣхался надъ нимъ за это, да такъ, что просто противно было слушать. Къ счастью для всѣхъ насъ, шкиперъ былъ очень порядочный человѣкъ, такъ что помощникъ могъ особенно безобразничать, только когда того не было по близости.

Однажды вечеромъ мы сидѣли всѣ на бакѣ за чаемъ, когда Биль Козенсъ сошелъ сверху, и мы сейчасъ-же поняли, что у него опять вышла перепалка съ помощникомъ. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ отдѣльно и видимо бѣсился, а потомъ вдругъ выпалилъ:

— Въ одинъ прекрасный день меня повѣсятъ изъ-за этого чорта; вотъ, помяните мое слово!

— Не будь дуракомъ, Биль, — сказалъ Джо Смитъ.

— Если-бъ только я могъ его отмѣтить, — продолжалъ Биль, переводя дыханіе. — Честно, хорошенько отмѣтить! Если-бъ только я могъ побыть съ нимъ наединѣ минутъ десять, чтобы никого не было вблизи! А такъ, конечно, если я ударю его, скажутъ — бунтъ.

— Ну, да если-бы и не сказали, тебѣ съ нимъ не справиться, Биль, — говоритъ опять Джо Смитъ.

— Онъ разгуливаетъ по городу, точно вся земля тамъ ему принадлежитъ, — вмѣшался Тедъ Хиль. — Мы всѣ оттолкнемъ черномазаго съ дороги, и только, а онъ — нѣтъ; онъ сейчасъ наровитъ съ кулаками, и ударитъ его непремѣнно, если тотъ подойдетъ къ нему на сажень разстоянія.

— Отчего-же они не побьютъ его тоже? — говоритъ Биль. — Я бы непремѣнно побилъ, будь я на ихъ мѣстѣ.

Джо Смитъ фыркнулъ.

— Такъ отчего-же не бьешь? — сказалъ онъ.

— Оттого, что я не черномазый, — отвѣчалъ Биль.

— А могъ-бы быть черномазымъ, — продолжалъ Джо очень серьезно. — Вычери н себѣ лицо, и руки, и ноги, одѣйся, какъ они, въ эти бумажныя штуки, и ступай на берегъ, да попадись ему на дорогѣ.

— Если ты пойдешь, Биль, то и я съ тобою, — сказалъ другой матросъ, по имени Бобъ Пуллингъ.

II.

Ну, поговорили они, поговорили, обсудили все какъ слѣдуетъ, и, наконецъ, Джо, который, казалось, очень интересовался своей затѣей, съѣздилъ на берегъ и добылъ имъ нужные рубашки и штаны. Биль едва влѣзъ въ свои, такъ какъ индусы не такъ широки, какъ-бы слѣдовало имъ быть, но Джо сказалъ, что это ничего, только-бы онъ не нагибался, а для Пуллина, который былъ много меньше, они пришлись какъ разъ впору.

Когда они одѣлись, стали толковать, чѣмъ-бы имъ вычернить себя; уголь очень царапался, а чернила употреблять Билю не хотѣлось. Тогда Тедъ Хиль обжегъ пробку и попробовалъ ее на носу у Биля, но такъ какъ онъ началъ, пока она еще не остыла, Билю это вовсе не понравилось.

— Ну, однако, тебѣ ничемъ не угодишь, Биль, — сказала плотникъ. — Сдается мнѣ, что ты собираешься на попятный.

— Ты врешь! — закричалъ Биль.

— Ну, у меня есть тугъ въ жестянкѣ такая штука, все равно какъ настроено на индусѣ, и не отличишь, — сказалъ плотникъ, — и если только ты обѣщаешь не разѣвать свою глотку, я самъ тебя распишу.

Биль былъ отчасти польщенъ этимъ, такъ какъ плотникъ считался у насъ изъ старшихъ, и былъ, правда, очень искусенъ въ своемъ ремеслѣ. Итакъ, Биль усѣлся и далъ ему раскрасить себя изъ жестянки

чѣмъ-то такимъ, что сталь выглядѣть настоящимъ индусомъ, только блестящимъ, точно его лакировали. Потомъ намазали и Боба Пуллина, и когда они затѣмъ надѣли свои чалмы, то перемѣна въ ихъ наружности была просто празительна.

— Что-то стянуло немножко, — сказала Биль, выдѣлывая ртомъ всякія гримасы.

— Это пройдетъ, — сказалъ плотникъ, — ты не будь-бы похожъ на себя, Биль, если-бы не поворачалъ хоть немного.

— И помни-же, Биль, не щади его, — сказала Джо. — Васъ двое, и если только оба вы сдѣлаете, что отъ васъ ожидаютъ, то помощнику придется, по всей вѣроятности, совершить обратное путешествіе очень спокойно, на койкѣ.

— Пусть только онъ самъ начнетъ, — сказала Тедъ Хиль. — Онъ уже навѣрно начнетъ, если вы подвернетесь ему на дорогѣ. Господи, хотѣлось-бы мнѣ видѣть его рожу, когда вы приметесь ему давать сдачи!

III.

Итакъ, когда стемнѣло, оба они отправились на берегъ, напутствуемые нашими лучшими пожеланіями, а мы, всѣ остальные, усѣлись на бакѣ, разсуждая о томъ, какъ-то поздоровится помощнику черезъ часъ или два. Онъ тоже, честь честью, съѣхалъ на берегъ. Тедъ Хиль видѣлъ, какъ онъ отправлялся, и замѣтилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что онъ одѣтъ очень парадно, во все новое.

Было уже, должно быть, около одиннадцати часовъ. Я сидѣлъ съ Смитомъ на верхней палубѣ со стороны порта, какъ вдругъ мы услышали шумъ, крики, возню, цѣлый содомъ у борта брига, — это былъ помощникъ, возвращавшійся съ берега. Онъ былъ безъ шляпы: галстукъ у него вылѣзъ на одно ухо, а воротникъ и грудь рубанки были изорваны въ клочья.

Второй и третій офицеры подбѣжали къ нему узнать, въ чемъ дѣло, а пока онъ имъ рассказывалъ, подошелъ и шкиперъ.

— Какъ, мистеръ Фиггалъ! — сказалъ шкиперъ въ изумленіи. — Неужели вы хотите сказать, что васъ привели въ такое состояніе эти кроткіе и мирныя индусы?

— Индусы, сэръ? — заревѣлъ помощникъ. — Конечно нѣтъ, сэръ! На меня напали пятеро нѣмецкихъ матросовъ. Но я побилъ ихъ всѣхъ.

— Я радъ это слышать, — сказалъ шкиперъ. А второй и третій офицеръ начали гладить помощника по спицѣ, какъ глядятъ незнакомую собаку, которой остерегаются.

— Здоровые-же они были черти, — продолжалъ помощникъ. — Мнѣ не малаго труда стоило съ ними сладить. Посмотрите на мой глазъ!

Второй офицеръ зажегъ спичку и взглянулъ на его глазъ; и правда, было на что посмотреть! Красота!

— Надѣюсь, что вы заявили объ этомъ въ полицейскомъ участкѣ? — сказалъ шкиперъ.

— Нѣтъ, сэръ, — отвѣчалъ помощникъ, гордо поднимая голову. — Я не нуждаюсь въ защитѣ полиціи. Пять противниковъ не шутка, но я всѣхъ ихъ обратилъ въ бѣгство, и не думаю, чтобы они посмѣли опять сунуться къ англійскому офицеру!

— Вамъ-бы лучше теперь прилечь, отдохнуть, — сказалъ второй офицеръ, взявъ его подъ руку.

Помощникъ заковылялъ съ нимъ въ каюту, и какъ только палуба освободилась, мы всѣ сошлись вмѣстѣ и старались объяснить себѣ, какимъ это образомъ Билль Козенсъ и Бобъ превратились вдругъ въ пятерыхъ нѣмецкихъ матросовъ!

— Это все гордость его, помощника, — сказалъ плотникъ. — Онъ не хочетъ признаться, что его отколо-тили индусы.

Мы всѣ тоже подумали, что это такъ, но намъ

пришлось прождать еще около часу возвращенія тѣхъ двухъ, чтобы удостовѣриться, что мы правы. Ну, скажу вамъ, что была нѣкоторая разница въ томъ, какъ они вернулись, и какъ вернулся помощникъ. Они не шумѣли, не кричали, и узнали мы о ихъ возвращеніи только тогда, когда увидѣли чью-то бѣсую черную ногу, которая слабо свѣсилась надъ лѣстницей, ведущей на бакъ, ощупывая слѣдующія ступени.

IV.

Это былъ Бобъ, онъ спустился, не говоря ни слова, и тогда мы увидали, что онъ держитъ въ рукѣ другую, черную ногу и направляетъ ее, куда ей ступать. То былъ Биль, и изъ всѣхъ скверныхъ, дохлыхъ, хромыхъ черномазыхъ, какихъ мнѣ приводилось когда либо видѣть, Биль былъ, конечно, самый худшій въ эту минуту своего появленія на бакѣ. Онъ прямо шлепнулся какъ мѣшокъ на первый попавшійся ящикъ, и уткнулъ свою опухшую голову въ обѣ руки, поддерживая ее и пряча лицо. Бобъ подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, и такъ они сидѣли оба, — ни дать, ни взять, какъ восковыя фигуры, а не живыя существа.

— Ну что-же, Биль, вы сдѣлали, что требовалось? — сказала Джо, послѣ долгаго ожиданія, не заговарявъ-ли они, наконецъ, сами. — Расскажите-же намъ, какъ все было?

— Нечего рассказывать, — отвѣчалъ Биль, очень угрюмо. — Мы его вздули.

— А онъ насъ вздулъ, — сказала Бобъ со стономъ. — Я весь въ синякахъ, а ужъ ноги...

— Что такое съ ними? — спросилъ Джо.

— Отдавлены! — отрѣзалъ Бобъ очень коротко. — Онъ разъ двадцать наступалъ мнѣ на голыя ноги. Я еще никогда не имѣлъ такой раздѣлки во всю мою жизнь. Онъ дрался какъ чортъ; я думалъ, что онъ убьетъ Била.

— Да пусть-бы лучше убилъ, — простоналъ

Биль. — У меня все лицо разбито, изрѣзано, просто дотронуться не могу.

— Неужели-же вы хотите сказать, что вдвоемъ не могли съ нимъ справиться? — говорилъ Джо, вытаращивъ на нихъ глаза.

— Я хочу сказать, что намъ влетѣло, — сказала Биль. — Мы сразу сунулись слишкомъ близко, и онъ намъ отдаливъ ноги, а потомъ ужъ это было точно сраженіе съ вѣтряной мельницей, у которой кузнечные молоты вмѣсто крыльевъ.

V.

Онъ опять застоналъ и улегся ничкомъ на свою койку, а когда мы спросили что-то еще, онъ началъ на насъ ругаться. Оба они казались совершенно измученными, и, наконецъ, такъ и заснули, какъ были, не раздѣваясь и не смывая съ себя краски.

Я проснулся на слѣдующее утро довольно рано, разбуженный легкимъ плескомъ воды и чѣмъ-то голосомъ, который говорилъ безъ перерыва. Это продолжалось, какъ мнѣ показалось, довольно долго, и, наконецъ, я высунулся изъ своей койки и увидѣлъ Биля, который мылся, нагнувшись надъ ведромъ съ водой и ругался.

— Что случилось, Биль? — спросилъ Джо, зѣвая и садясь на своей койкѣ.

— У меня кожа такъ наболѣла, тронуть почти не могу, — сказалъ Биль, нагибаясь еще ниже и ополаскивая себѣ лицо. — Ну, что, сошло все?

— Сошло? — говоритъ Джо. — Конечно нѣтъ. Отчего ты не возьмешь мыла?

— Мыла? — закричалъ Биль какъ сумасшедшій. — Я и такъ уже потратилъ сейчасъ больше мыла, чѣмъ трачу обыкновенно за шесть мѣсяцевъ!

— Ну, это ни къ чему, — сказалъ Джо. — Сполоснись лучше.

Тогда Биль бережно положилъ мыло, подошелъ къ

нему и началъ ему расписывать, какія безпокойства доставить онъ ему, когда поправится, а затѣмъ Бобъ Пуллишъ также вылѣзъ изъ своей койки и началъ стараться надъ своимъ лицомъ. И онъ, и Биль поочередно то мылись, то выводили одинъ другого на свѣтъ, и старались убѣдить себя, что краска сходитъ, пока, наконецъ, это имъ не опротивѣло. Биль опрокинулъ ведро ударомъ поги и началъ ходить взадъ и впередъ по баку, ругаясь какъ бѣшеный.

— Васъ плотникъ намазалъ, — сказалъ чей-то голосъ, — такъ и заставьте его отмывать.

Вы просто не повѣрите, какого труда намъ стоило разбудить этого человѣка. Онъ такъ и не проснулся толкомъ до тѣхъ поръ, пока мы не стащили его насильно съ койки, не поставили передъ этими двумя несчастными, черными молодцами, и не сказали ему, что онъ долженъ сдѣлать ихъ опять бѣлыми.

— Не думаю, что-бы что нибудь могло снять эту краску, — сказалъ онъ. — я объ этомъ не подумалъ.

— Какъ! — завопилъ Биль, — такъ мы должны остаться черными до конца нашей жизни?

— Конечно нѣтъ, — возразилъ плотникъ съ негодованіемъ, — современемъ она сотрется. И я думаю, что для этого было-бы хорошо, если-бы вы брились каждое утро.

— Я и сейчасъ возьму бритву! — сказалъ Биль, страшнымъ голосомъ. — Держи его, Бобъ, я отхвачу ему голову!

VI.

И онъ дѣйствительно бросился за своей бритвой и принесъ ее, но, конечно, мы всѣ повскакали со своихъ коекъ, развели ихъ и объявили, что мы ничего подобнаго не допустимъ. Потѣмъ мы заставили ихъ обоихъ усѣсться и перепробовали на нихъ все, что только могло придти намъ въ голову, отъ коровьяго

и льняного масла до припарки изъ холодныхъ чайныхъ листьевъ. Но что мы ни дѣлали, они только блестяли все болѣе и болѣе.

— Ни къ чему, говорю вамъ, — сказалъ плотникъ. — Это самый прочный лакъ, какой я только знаю. Если-бъ я сказалъ вамъ, сколько стоитъ жестянка такого лака, вы бы не повѣрили.

— Ну, хорошо-же, во всякомъ случаѣ, ты вмѣстѣ съ нами, — сказалъ Биль совсѣмъ дрожащимъ голосомъ. — Ты сдѣлалъ это такъ, чтобы мы могли поколотить помощника. Что намъ за это попадетъ, то и тебѣ.

— Не думаю, чтобы скипидаръ подѣйствовалъ, — сказалъ плотникъ, вставая, — но встаки попробуемъ.

Онъ принесъ жестянку, налилъ немного скипидара на тряпку, и велѣлъ Билю смочить себѣ имъ лицо. Биль смочилъ и въ ту-же минуту подпрыгнулъ какъ ужаленный, закричалъ, спряталъ голову въ рубашку, которую въ эту минуту надѣвалъ Симмонсъ, и началъ этой рубашкой тереть себѣ лицо. Потомъ онъ бросилъ озадаченнаго Симмонса, оттолкнулъ другого малаго отъ ведра съ водой и погрузилъ въ него лицо, брыкаясь при этомъ и неистовствуя, какъ сумасшедшій. Наконецъ, онъ вспрыгнулъ опять на свою кѣйку, зарылъ лицо въ подушку и началъ метаться и стонать, какъ умирающій.

— Не пробуй этого, Бобъ, — сказалъ онъ, наконецъ.

— И не подумаю, — сказалъ Бобъ. — Хорошо, что ты попробовалъ раньше, Биль.

— А пробовали-ли они пемзу? — спросилъ чей-то голосъ.

— Нѣтъ, не пробовали, и пробовать не намѣрены, — отгрызнулся Бобъ.

VII.

Оба они были въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что мы всё старались молчать объ этомъ предметѣ во время завтрака. Но нельзя было не признать, что положеніе вещей было въ высшей степени затруднительное. Сначала одинъ изъ товарищей, потомъ другой, начали намекать на это. Намеки становились все яснѣе, пока, наконецъ, Биль не обратился къ намъ съ очень непривѣтливомъ видомъ и сказалъ, что, если мы имѣемъ, что сообщить ему, то онъ проситъ насъ говорить прямо, какъ честные англичане, чего мы хотимъ, а не бормотать что-то такое себѣ подъ носъ, съ полными ртами.

— Видишь-ли, вотъ въ чемъ дѣло, Биль,—сказалъ Джо, очень кротко. — Какъ только помощникъ васъ увидитъ, намъ всёмъ попадетъ на орѣхи.

— Да, всёмъ, — повторилъ Биль, кивая головой.

— Ну, а если-бы, — продолжалъ Джо, оглядываясь на насъ, чтобы убѣдиться что мы его одобряемъ, — если-бы мы собрали для васъ маленькую подписку, и если-бы вы согласились сбѣжать...

— Слушайте, слушайте, — сказала нѣсколько голосовъ. — Молодецъ, Джо!

— Сбѣжать, въ самомъ дѣлѣ? — повторилъ Биль. — А куда-же именно мы должны бѣжать?

— Ну, это ужъ мы предоставляемъ вамъ на выборъ, — сказалъ Джо. — Мало-ли здѣсь въ портѣ кораблей съ неполнымъ экипажемъ, которые рады были-бы заручиться двумя такими молодцами, какъ ты и Бобъ.

— Да, ну, а какъ-же насчетъ нашихъ черныхъ лицъ? — спросилъ Биль, все тѣмъ-же насмѣшливымъ, неблагодарнымъ голосомъ.

— Ну, это можно и обойти, — отвѣтилъ Джо.

— Какъ? — повторили Биль и Бобъ въ одинъ голосъ.

— Нанимайтесь въ повара-негры! — посовѣтоваль Джо, хлопая себя по колѣнкѣ и оглядываясь на насъ съ торжествомъ.

VIII.

Нѣтъ, инымъ людямъ положительно не стоитъ оказывать услугу. Джо говорилъ отъ души, и, конечно, никто не могъ-бы сказать, что мысль его не хороша, но мистеру Билу Козенсу почему-то заблаго-разсудилось считать себя оскорбленнымъ, и я могу только предположить, что испытанная имъ непріятность немного разстроила его разумъ. Также и разумъ Боба Пуллина. Во всякомъ случаѣ, это единственное оправданіе, которое я въ состояніи для нихъ пріискать. Чтобы покончить съ длинной исторіей, скажу только, что никому уже не пришлось продолжать завтракъ и никто не могъ ничѣмъ заняться до тѣхъ поръ, пока намъ не удалось загнать обоихъ бунтовщиковъ въ уголь и припереть ихъ тамъ такъ, что они уже не могли двигаться.

— Ни за что-бы я не сталъ ихъ раскрашивать, — сказалъ плотникъ, когда все это кончилось, — кабы зналъ, что они будутъ вести себя такимъ образомъ. Вѣдь, они-же сами хотѣли быть раскрашенными!

— Помощникъ просто убьетъ ихъ! — сказалъ Тедъ Хиль.

— Онъ засадитъ ихъ въ тюрьму, вотъ что онъ сдѣлаеть, — сказалъ Смитъ. — Это серьезная вещь, съѣхать на берегъ переодѣтыми, чтобы напасть на старшаго офицера и избить его.

— Вы все въ этомъ замѣшаны, — раздался голосъ Била съ полу. — Я во всемъ повинюсь, и все расскажу, какъ было. Джо Смитъ подговариваль насъ, плотникъ раскрасилъ, а все остальные одобряли и науськивали!

— Джо досталъ намъ штаны и рубашки, — сказалъ Бобъ, — и я даже знаю, гдѣ онъ ихъ взялъ.

Неблагодарность обоихъ этихъ людей была такова, что мы рѣшили было сначала не имѣть съ ними болѣе никакого дѣла. Но добрыя чувства все-таки взяли верхъ, и мы долго совѣщались, что-бы такое намъ получше придумать и сдѣлать. Но что-бы мы ни предлагали, на все слѣдовало возраженіе одного или другого изъ этихъ двухъ голосовъ съ пола; ни на то, ни на другое они не соглашались, и, наконецъ, мы принуждены были идти на верхъ, на палубу, ничего окончательно не рѣшивъ. Всѣ согласились только клясться и увѣрять, что знать ничего не знаемъ обо всемъ этомъ дѣлѣ.

— Одно только мы можемъ вамъ посовѣтовать, — сказала Джо, оглядываясь на нихъ, — это оставаться здѣсь внизу по возможности подольше.

IX.

Чуть-ли не первый, кого мы встрѣтили на палубѣ, былъ помощникъ, и красивъ-же онъ былъ, честное слово! Лѣвый глазъ у него былъ завязанъ, а подъ правымъ чернѣлъ огромный синякъ. Носъ у него распухъ и губа была разсѣчена, но остальные офицеры такъ за нимъ ухаживали, что, мнѣ кажется, онъ скорѣе гордился своими увѣчьями.

— Гдѣ-же тѣ два лѣнтя? — спросилъ онъ скоро, сверкая на насъ своимъ опухшимъ глазомъ.

— Кажется, внизу, сэръ, — отвѣчалъ плотникъ, весь уже дрожа.

— Ступай и позови ихъ сюда, — говоритъ помощникъ Смиту.

— Такъ точно, сэръ, — отвѣчаетъ Джо, не двигаясь съ мѣста.

— Такъ ступай-же, — кричитъ помощникъ.

— Они что-то не совсѣмъ здоровы сегодня, сэръ, — говоритъ Джо.

— Пришли ихъ сюда, чортъ тебя дери! — вопить помощникъ, ковыляя въ его сторону.

Дѣлать нечего! Джо безпомощно пожать плечами, подошелъ къ лѣстницѣ и крикнулъ имъ внизъ, на бакъ.

— Сейчасъ идутъ, сэръ, — сказалъ онъ, возвращаясь къ помощнику, какъ разъ въ ту минуту, когда шкиперъ выходилъ изъ своей каюты.

Всѣ мы продолжали свою работу какъ можно усерднѣе. Шкиперъ заговорилъ съ помощникомъ о его поврежденіяхъ, началъ бранить невѣдомыхъ злодѣевъ — пѣмцевъ, какъ вдругъ онъ почти вскрикнулъ и отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, вытараща на что-то глаза. Мы всѣ оглянулись и увидѣли нашихъ двухъ араповъ, медленно подходившихъ къ намъ.

— Боже милосердый, мистеръ Фингалъ! — проговорилъ старикъ. — Что это такое?

Никогда, ни на одномъ человѣческомъ лицѣ я не видалъ такого выраженія, какое было тогда у помощника! Три раза онъ открывалъ ротъ, чтобы заговорить, и три раза закрывалъ его опять, не промолвивъ ни слова! Жилы у него на лбу надулись какъ канаты, а щеки сдѣлались прямо багровыми.

— Это волосы Биля Козенса! — проговорилъ шкиперъ какъ-бы про себя. — Это волосы Биля Козенса. Это...

Бобъ выступилъ впередъ, между тѣмъ какъ Биль замылся немного позади, и, подойдя къ шкиперу, постарался изобразить на своемъ лицѣ что-то вродѣ улыбки.

Х.

— Что ты мнѣ рожки строишь, дуракъ! — загремѣлъ шкиперъ. — Что это значить? Что такое вы съ собой сдѣлали?

— Ничего, сэръ, — смиренно отвѣчалъ Биль. — Это съ нами сдѣлано.

Плотникъ, который собирался въ эту минуту на-

гонять обручи на разохшуюся кадку, задрожалъ какъ листъ и бросилъ на Биля взглядъ, который тронулъ-бы даже камень.

— Кто-же это сдѣлалъ? — спросилъ шкиперъ.

— Мы подверглись жестокому нападенію, сэръ, — продолжалъ Биль, тщательно избѣгая взгляда помощника, который также упорно не сводилъ съ него своего единственнаго глаза.

— Это видно по всему, — уронилъ шкиперъ. — Васъ и избили вдобавокъ.

— Да, сэръ, — отвѣчалъ Биль, — мы были на берегу вчера вечеромъ, сэръ, хотѣли только прогуляться, пройтись потихоньку, посмотреть мѣстность, какъ вдругъ на насъ накинудись пятеро чужестранцевъ.

— Что такое? — сказалъ шкиперъ, а ужъ что помощникъ сказалъ, этого я лучше и повторять не стану.

— Мы боролись съ ними долго, какъ только могли, сэръ, — продолжалъ Биль, — но, наконецъ, они насъ обоихъ уложили безъ памяти, а когда мы очнулись, мы были расписаны вотъ, какъ вы видите..

— Но что-же это были за люди? — спросилъ шкиперъ, видимо возбужденный.

— Матросы, сэръ, — сказалъ Бобъ, въ свою очередь.

— А былъ между ними одинъ высокій человѣкъ, съ свѣтлой бородой? — спросилъ опять шкиперъ, приходя все болѣе и болѣе въ азартъ.

— Да, сэръ, — отвѣчалъ Биль, очень удивленнымъ голосомъ.

— Та-же шайка, — сказалъ шкиперъ. — Павѣрно та-же шайка, что напала и на мистера Фингала. Мистеръ Фингалъ, это еще благодать, что вамъ не вымазали лицо такимъ-же образомъ!

Я право думалъ, что помощникъ лопнетъ. Просто не понимаю, какъ могъ человѣкъ раздуться такъ, какъ онъ раздулся, и не лопнуть!

— Не вѣрю я ни одному слову! — сказалъ онъ, наконецъ.

— Почему? — рѣзко спросилъ шкиперъ.

— Не вѣрю, да и только, — повторилъ помощникъ дрожащимъ отъ ярости голосомъ. — У меня есть на то свои причины.

— Не думаю, чтобы вы предполагали, что эти два бѣдняка сами себя намазали такъ, шутки ради, не правда-ли? — спросилъ шкиперъ.

Помощникъ не могъ отвѣчать.

— И что затѣмъ они пошли и сами себя избили то-же для шутки? — продолжалъ издѣваться шкиперъ.

Помощникъ опять не отвѣчалъ. Онъ бросилъ вокругъ себя безпомощный взглядъ, увидѣлъ, какъ третій офицеръ переглядывался со вторымъ, какъ люди всѣ смотрѣли хитро и весело, — и я думаю, что ни разу еще ни одному человѣку не приходилось такъ ясно убѣдиться въ томъ, что его одурачили, какъ пришлось это ему, въ эту минуту!

Онъ повернулся къ намъ спиной и отправился внизъ, а шкиперъ, прочтя сначала всѣмъ намъ маленькое наставленіе о томъ, что не слѣдуетъ драться зря, безъ причины, отослалъ обоихъ пострадавшихъ тоже внизъ, и велѣлъ имъ улечься и отдохнуть. И онъ былъ такъ добръ съ ними на всемъ обратномъ пути, и съ такимъ интересомъ слѣдилъ за ихъ превращеніемъ изъ черныхъ въ коричневые, и изъ свѣтло-коричневыхъ въ пятнисто-лимонные, что помощникъ ничего не смѣлъ имъ сдѣлать, но выдавалъ вмѣсто того намъ ихъ долю того, что имъ отъ него слѣдовало, съ прибавкой еще нѣкоторой экстра-порціи изъ лично намъ предназначеннаго.

ЛЮБИТЕЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ.

(A disciplinarian).

— Конечно, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что дисциплина вещь очень хорошая, — сказалъ ночной сторожь: — но не всегда-то она хорошо дѣйствуетъ. Вотъ, напримѣръ, мнѣ не разрѣшается курить здѣсь на пристани и, когда мнѣ захочется пососать трубочку, я долженъ идти въ «королевскій» трактиръ, или-же забираться на плашкотъ. Но въ «королевскомъ» я ужъ не могу наблюдать за пристанью, а на плашкотѣ разъ, пока я курилъ, пришелъ дуракъ-лодочникъ и отчалилъ, прежде чѣмъ я замѣтилъ, что онъ дѣлаетъ, и провезъ меня такимъ образомъ до самаго Гринвича. Онъ говоритъ, что часто продѣлывалъ такія штуки со сторожами.

Не было хуже человѣка въ отношеніи дисциплины, чѣмъ капитанъ Таскеръ, съ которымъ я плавалъ на «Пиголицѣ». У него было что-то такое неладное въ мозгу. Онъ былъ аккуратный человѣкъ, весь гладко выбритый, кромѣ маленькихъ бакенбардъ, и всегда старался какъ можно болѣе походить на морского офицера.

Я не имѣлъ и понятія о томъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, когда поступилъ на пароходъ, и онъ велъ себя очень тихо и смиренно, пока мы не вышли въ открытое море. Но тутъ-то чортъ и началъ показывать рога; онъ ударилъ ногой одного изъ людей за то, что тотъ вышелъ на палубу съ грязнымъ лицомъ, и хотя тотъ и сказалъ ему, что никогда не моется,

потому что у него слишкомъ деликатная кожа, онъ приказалъ боцману окатить его изъ пожарнаго рукава.

Боцманъ у насъ вмѣшивался рѣшительно во все. Мы все, какъ есть, дѣлали по его свистку; онъ, кажется, не выпускалъ его изо рта и даже бредилъ имъ по ночамъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ вскакивалъ сонный на койкѣ и пробовалъ свистнуть въ свой палецъ. Онъ свисталъ насъ и для чистки палубы, и для ѣды, и для всего, всего рѣшительно.

Хотя мы и не совершали правильныхъ рейсовъ, но у насъ было въ этотъ разъ много пассажировъ, ѣхавшихъ съ нами въ Калштадтъ, и всѣ они были очень высокаго мнѣнія о капитанѣ. Былъ одинъ молодой лейтенантъ, который говорилъ, что капитанъ напоминаетъ Нельсона, и ихъ со шкиперомъ, бывало, водой не разольешь, — такіе стали друзья.

Каждое утро въ десять часовъ шкиперъ насъ осматривалъ, но лейтенанту этого показалось мало и онъ убѣдилъ старика производить намъ ученіе. Онъ сказалъ, что намъ это принесетъ пользу, а пассажировъ будетъ забавлять, и пришлось-таки намъ продѣлывать всякія дурацкія штуки руками и ногами, а раза два онъ даже уводилъ шкипера на другой конецъ палубы, пока мы, двадцать три человекъ матросовъ, стояли изогнувшись такъ, чтобы пальцами ухватить себя за носокъ ноги, и не знали, придется-ли намъ когда-нибудь выпрямиться.

Но что было хуже всего, такъ это лодочное ученіе. Человѣкъ сидитъ себѣ спокойно за ѣдой, или мирно покуриваетъ трубочку у себя на койкѣ, вдругъ свистокъ боцмана возвѣщаетъ ему, что корабль тонетъ и пассажиры гибнутъ, и онъ долженъ все бросить и спускаться шлюпки и спасать ихъ. Мы должны были бѣжать какъ угорѣлые съ боченками воды и мѣшками сухарей, а затѣмъ готовить лодки и спускать ихъ на воду. Всѣ люди были распределены по разнымъ лодкамъ и пассажиры такъ-же. Разница была только въ томъ, что если какому пассажиру не угодно было уча-

ствовать въ маневрѣ, онъ могъ и не участвовать, а ужъ намъ отказываться не приходилось.

Одинъ изъ пассажировъ, никогда не маневрировавшій съ нами, былъ майоръ Мидженсъ. Онъ былъ даже противъ маневровъ и называлъ ихъ дурачествомъ; никогда онъ не соглашался сойти въ указанную шлюпку, но сидѣлъ все время на палубѣ и насмѣхался надъ нами.

— Вы этимъ только научите людей удирать, — сказалъ онъ однажды шкиперу. — Если когда-нибудь дѣйствительно явится необходимость, они бросятся всѣ къ лодкамъ и оставятъ насъ здѣсь. Помните мое слово.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобы вы стали такъ говорить объ англійскихъ морякахъ, майоръ, — говоритъ шкиперъ обиженнымъ тономъ.

— Объ англійскихъ ругателяхъ! — фыркнулъ майоръ. — Вы не слышите ихъ замѣчаній, когда раздается этотъ свистокъ. Но ихъ, право, достаточно, чтобы накликать бѣду на пароходъ.

— Если вы укажете мнѣ виновныхъ, я накажу ихъ, — горячо говорилъ шкиперъ.

— Никого я вамъ не укажу, — отвѣчалъ майоръ. — Я слишкомъ имъ сочувствую. Вы имъ и выспаться-то никогда не даете вволю, бѣднымъ малымъ, а отъ этого ихъ красота страдаетъ.

Я находилъ, что майоръ очень добръ, что такъ заботится о нашемъ спокойствіи, но, конечно, нѣкоторыя изъ женщинъ засмѣялись. Вѣрно, онѣ думаютъ, что матросамъ красота не нужна, и отдыхать ради красоты не стоитъ.

Послѣ этого я слышалъ, какъ лейтенантъ разговаривалъ со шкиперомъ и сочувствовалъ ему. Онъ говорилъ, что майору просто завидно, что люди такъ хорошо вымуштрованы; и потомъ они отошли, лейтенантъ что-то такое говорилъ очень серьезно и убѣдительно, а шкиперъ качалъ головой на его слова.

Случилось это какъ разъ двѣ ночи спустя. Я еопелъ внизъ и улегся, какъ вдругъ вижу во снѣ, что майоръ завладѣлъ свисткомъ боцмана и учится на немъ свистать. Помню еще, я подумалъ во снѣ: какое счастье, что это только майоръ, когда одинъ изъ ребятъ ткнулъ меня кулакомъ въ спину и разбудилъ.

— Скачи живѣе, — сказалъ онъ мнѣ. — Пароходъ горить.

Я бросился на палубу, и тутъ ужъ не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ того, кто свисталъ тревогу. Колоколъ звонилъ въ набатъ, изъ всѣхъ люковъ валилъ дымъ, нѣкоторые изъ людей тащили насосъ и обрызгивали изъ рукава пассажировъ, которые одинъ за другимъ выбѣгали на палубу. Шумъ и смятеніе были ужасныя.

— Скорѣе спускать шлюпки, — сказалъ мнѣ Томъ Галь. — Не слышишь развѣ свистка?

— Да развѣ-же мы не попробуемъ сначала тушить огонь? — говорю я.

— Слушайся команды, — говоритъ Томъ: — это наше первое дѣло, и чѣмъ скорѣе мы отсюда выберемся, тѣмъ лучше. Ты, вѣдь, знаешь, какой у насъ грузъ.

Тогда мы побѣжали къ лодкамъ и спустили ихъ, долженъ сказать, очень хорошо, и первый, кто соскочилъ въ мою, былъ майоръ въ своемъ бѣломъ ночномъ одѣяніи; но послѣ того, какъ всѣ остальные тоже спустились, мы его высадили. Онъ не принадлежалъ къ нашей лодкѣ, а ужъ дисциплина, такъ дисциплина, что-бы ни случилось.

Прежде, однако, чѣмъ мы могли отвалить отъ корабля, майоръ съ воплемъ подбѣжалъ къ борту, крича, что его лодка отчалила, и хотя мы отпихивали его веслами, но онъ таки спустился по канату и ввалился къ намъ.

— Кто командуетъ? — закричалъ майоръ.

— Я — очень рѣзко откинулся старшій помощникъ съ одной изъ лодокъ.

— Но гдѣ-же капитанъ? — вскричала одна старая барыня съ моей шлюпки по фамилии Прендергасть.

— Онъ на пароходѣ, — отвѣчалъ помощникъ.

— Онъ... что? — повторила мистриссъ Прендергасть, смотря на воду, точно она ожидала увидѣть шкипера, стоящимъ тутъ-же, на гребнѣ волпы.

— Онъ остался погибать съ судномъ, — сказалъ одинъ изъ людей.

Тогда мистриссъ Прендергасть попросила кого-то одолжить ей платокъ, потому что своей ручшій мѣшечекъ она забыла на пароходѣ, и начала горько рыдать.

— Смѣлый, простой англичанинъ-морякъ, — сказала она всхлипывая: — остается погибать со своимъ кораблемъ! Вотъ онъ. Посмотрите на мостикѣ.

Всѣ мы взглянули, и тогда и другимъ женщинамъ захотѣлось признаться платковъ. Я далъ одной изъ шихъ лоскутъ бумажной тряпки, но она такъ разсердилась за то, что тряпка была чуть-чуть масляниста, что и плакать совершенно позабыла и обѣщала пожаловаться на меня помощнику, какъ только мы достигнемъ берега.

— Я вѣкъ буду помнать его въ своихъ молитвахъ! — сказала одна изъ женщинъ, рыдавшая очень удобно въ большой красный шейный платокъ одного изъ людей.

— Слава его подвига прогремить по всей Англии! — прибавила другая.

— Симпатин и слезы дешево стѣять, — торжественно произнесъ одинъ изъ мужчинъ-пассажировъ. — Если намъ удастся достигнуть берега, мы должны всѣ сложиться, чтобы поддерживать его вдову и сиротъ.

— Слушайте, слушайте! — закричали всѣ.

— Мы воздвигнемъ гранитный памятникъ въ воспоминаніе о немъ, — говоритъ мистриссъ Прендергасть.

— А не лучше-ли намъ вернуться къ пароходу и захватить его съ собой? — сказалъ какой-то господинъ съ другой лодки. — Миѣ думается, что это и обойдется дешевле, да, пожалуй, бѣдныя и самъ предпочель-бы это.

— Стыдитесь, — отвѣчали ему многіе, и миѣ кажется, что они въ самомъ дѣлѣ взвинтили себя до такой степени, что были-бы разочарованы, если-бы шкиперъ спасся.

Мы медленно плыли, слѣдуя за лодкой помощника, указывавшаго намъ направленіе, и, взглядывая время отъ времени назадъ, на пароходъ, удивлялись, что онъ еще на мѣстѣ. Мы знали, что на немъ былъ такой грузъ, что онъ долженъ съ трескомъ взлетѣть на воздухъ, какъ только огонь дойдетъ до трюма, и всѣ ожидали взрыва.

— А вы знаете, куда мы плывемъ, мистеръ Бунсъ? — закричалъ майоръ.

— Да, — говорить помощникъ.

— А далеко-ли ближайшая земля? — спрашиваетъ опять майоръ.

— Миль около тысячи, — отвѣчаетъ помощникъ.

Тогда майоръ началъ высчитывать и разсчиталъ, что намъ понадобится дней десять на то, чтобы достигнуть земли, а что нашего запаса воды въ боченкахъ намъ хватитъ дня на три. Онъ закричалъ это помощнику, а молодой лейтенантъ, сидѣвшій въ той лодкѣ, съ огромной сигарой во рту, сказалъ, что будетъ большой спросъ на гранитные памятники. Онъ сказалъ еще, что счастье, что онъ лишилъ своихъ дѣтей наслѣдства за то, что они поженились и вышли замужъ противъ его воли, такъ что послѣ него не останется сиротъ, которые-бы его оплакивали.

Нѣкоторыя изъ женщинъ улыбулись на это, а старая мистриссъ Прендергастъ такъ расхохоталась, что раскачала лодку. Вообще, мы какъ-то вдругъ сдѣлались очень веселы, и одинъ изъ людей сказалъ, что на вычисленіе майора никакъ нельзя полагаться,

такъ какъ онъ считаль только по двѣ пинты въ галлонѣ.

Тутъ намъ стало еще веселѣе, и мы начинали уже смотрѣть на всю штуку, какъ на увеселительную прогулку, какъ вдругъ, ко всеобщему изумленію, лодка помощника повернула и поплыла обратно къ пароходу.

Вотъ вышелъ эффектъ, могу вамъ сказать! Всѣ кричали, смѣялись, говорили разомъ, а мистриссъ Прендергастъ увѣряла, что никогда еще и никто не слыхиваль про такую вещь, чтобы капитанъ оставался одинъ на суднѣ, съ тѣмъ, чтобы на немъ погибнуть, и потомъ одинъ-же затушилъ пожаръ, послѣ того какъ вся команда бросила его и бѣжала. Такого случая еще не было, да и не будетъ никогда! Она увѣрена, что капитанъ долженъ быть ужасно обожженъ, и что его придется сейчасъ-же уложить въ постель и обложить тряпками, пропитанными масломъ.

Не прошло и часу, какъ мы были уже опять на пароходѣ, и дамы такъ и накинулись на шкипера. Томъ Галъ клянется, что мистриссъ Прендергастъ ~~ш~~ пыталась поцѣловать его, и, вообще, онѣ носились съ нимъ до смѣшного, до глупости. Какъ только шлюпки были подняты опять на палубу, я услышалъ звонокъ электрическаго колокола въ машинномъ отдѣленіи, развели пары, машина заработала, и мы снова двинулись.

— Говорите, — закричалъ кто-то изъ пассажировъ. — Говорите!

— Bravo, bravo! — кричали другіе.

Тогда шкиперъ выступилъ впередъ и обратился къ нимъ съ маленькой пріятной рѣчью. Сначала онъ поблагодарилъ ихъ за ихъ довѣріе къ нему, и за тотъ примѣрный порядокъ, въ которомъ они покидали корабль. Онъ сказалъ, что это дѣлаеть честь всѣмъ участвовавшимъ, командѣ и пассажирамъ, и что, безъ сомнѣнія, они нѣсколько удивятся, когда узнаютъ, что никакого пожара вовсе и не было, но что то была фальшивая тревога, маленькое испытаніе, произведен-

ное съ цѣлью убѣдиться, что лодочные маневры хорошо поняты всѣми.

И, дѣйствительно, онъ былъ правъ, когда сказалъ, что они удивятся! И что за шумъ они тутъ подняли, и чего только они ни говорили про человѣка, которому только что собирались поставить гранитный памятникъ; просто изумительно! Понадобилось-бы, право, цѣлое кладбище памятниковъ, чтобы изобразить все то, что они про него говорили, да и то пришлось-бы гравировать самыми мельчайшими буквами!

— Я предлагаю намъ всѣмъ собраться въ каютъ-салонъ и составить заявленіе о нашемъ негодованіи и презрѣніи къ недостойному поведенію капитана! — яростно говорилъ майоръ. — Предлагаю избрать мистера Макферсона предсѣдателемъ нашего собранія.

— Я поддерживаю ваше предложеніе! — говорилъ другой столь-же яростно.

— А я предлагаю майора въ предсѣдатели, — говорилъ кто-то еще, какимъ-то особенно безпечнымъ, небрежнымъ тономъ: — потому что лодка мистера Макферсона еще не вернулась.

Сначала всѣ подумали, что онъ шутитъ, но когда оказалось, что онъ дѣйствительно говоритъ правду, всеобщее возбужденіе достигло ужасныхъ размѣровъ. Къ счастью, какъ замѣтила мистриссъ Прендергастъ, въ той лодкѣ не было дамъ, но зато было нѣсколько мужчинъ-пассажировъ. Мы шли полнымъ ходомъ, по тринадцати узловъ въ часъ, но тутъ сразу остановились, и никогда еще мнѣ не приходилось видѣть на пароходѣ такого славнаго фейерверка, какъ тотъ, который мы сожгли въ эту ночь. Сигнальныя ракеты и голубые бураки взвивались ежеминутно, пушки палили, не переставая, пока мы медленно бороздили море то въ томъ, то въ другомъ направленіи, а пассажиры сидѣли на палубѣ и разсуждали, что ожидаетъ шкипера: будетъ-ли онъ повѣшенъ, или только осужденъ на вѣчное заключеніе?

Уже разсвѣтало, когда мы замѣтили маленькую

черную точку на горизонтѣ, и устремились къ ней на всѣхъ парахъ. Полчаса спустя, мы поравнялись съ ней, и никогда еще мгѣ не приходилось видѣть такихъ несчастныхъ, изъѣвшихъ, измученныхъ людей!

Ихъ пришлось чуть-ли не втаскивать на бортъ парохода, и они были такъ намъ признательны, такъ благодарны, что было просто трогательно, пока имъ не объяснили въ чемъ дѣло. Это сразу измѣнило ихъ самымъ удивительнымъ образомъ, и послѣ того какъ мистеръ Макферсонъ выпилъ три чашки горячаго кофе и четыре рюмки водки, онъ занялъ предсѣдательское кресло въ засѣданіи, но сейчасъ-же заснулъ и захрапѣлъ. Его будили три раза, но онъ отнесся къ этому такъ нелюбезно, что дамамъ пришлось удалиться, и засѣданіе было отложено.

Кажется, что изъ этого такъ ничего и не вышло, потому что, вѣдь, никто дѣйствительно не пострадалъ, а шкиперъ былъ до того удрученъ и уничтоженъ случившимся, что всѣмъ стало даже жаль его.

Конецъ плаванія мы совершили очень тихо и удобно, но, конечно, по прибытіи на мѣсто все открылось, и помощнику пришлось-таки отводить «Пиголицу» обратно домой. Кое-кто говорилъ, что у шкипера не все было ладно въ мозгу. Я и не спорю, но все-же твердо убѣжденъ въ томъ, что выдумалъ всю эту штуку и подбилъ его молодой лейтенантъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ веселый молодчикъ и очень любилъ продѣлывать надъ всѣми свои шутки, лишь-бы только самому не приходилось расплачиваться.

ЗНАМЕНИТЫЙ ФОКУСНИКЪ.

(Odd Charges).

Расположившись очень удобно въ теплой залѣ трактира «Подсолнечникъ», незнакомецъ шлъ и закусывалъ, не замѣчая, повидимому, присутствія сморщенного старика, который, прижавшись къ углу лавки, ближайшему къ огню, спокойно вертѣлъ на столѣ пустую кружку и посасывалъ время отъ времени объемистую трубку, давно уже остывшую. Незнакомецъ окончилъ свой завтракъ, вздохнулъ отъ удовольствія, подошелъ къ лавкѣ, поставилъ свою кружку на потемнѣвшій отъ времени столъ и началъ набивать трубку.

Старикъ взялъ со стола лучинку и, подержавъ ее дрожащими пальцами у огня, далъ знакомцу закурить. Тотъ поблагодарилъ его и, откинувшись назадъ въ своемъ углу лавки, началъ слѣдить сквозь полузакрытыя вѣки за кольцами дыма, выходившими изъ трубки, сонно поддакивая замѣчаніямъ старика насчетъ погоды.

— Плохое время для разѣздовъ, — сказалъ этотъ послѣдній: — хотя, пожалуй, это и не бѣда, если вы имѣете средства ѣсть и пить вволю, въ свое удовольствіе. Я ужъ думаю, не фокусникъ-ли вы изъ Лондона, сэръ?

Путешественникъ покачалъ отрицательно головой.

— А я надѣялся, что вы фокусникъ, — сказалъ старикъ.

Собесѣдникъ его не обнаружилъ никакого любопытства.

— Будь вы фокусникъ, — продолжалъ старикъ со

вздохомъ: — я попросиль-бы васъ сдѣлать какой-нибудь полезный фокусъ. Собственно говоря, фокусники обыкновенно показываютъ такія штуки, которыя никому ни на что ни годны, а мнѣ хотѣлось-бы посмотреть воть что: сьумѣль-ли-бы фокусникъ наполнить эту пустую кружку пивомъ и эту пустую трубку табакомъ? Вотъ что я осмѣлился-бы попросить васъ сдѣлать, если-бы вы были фокусникъ.

Путешественникъ вздохнулъ и, выпувъ изо рта свою коротенькую терновую трубку за головку, трижды постучалъ ею по столу. Черезъ очень короткій промежутокъ времени на столѣ передъ старикомъ появились кружка пива и бумажный мѣшочекъ съ табакомъ.

— Что заставило меня подумать о васъ, что вы фокусникъ, — сказалъ онъ, отхлебнувъ съ наслажденіемъ изъ кружки и радостно набивая трубку: — это, что вы удивительно похожи на одного, который пріѣзжалъ къ намъ въ Клейбюри нѣсколько времени тому назадъ и давалъ представленіе въ этой самой залѣ, гдѣ мы теперь сидимъ. Судя по наружности, вы могли-бы быть его роднымъ братомъ.

Путешественникъ сказалъ, что у него никогда не было брата.

— Сначала мы не знали, что онъ фокусникъ, — продолжалъ старикъ. — Онъ пріѣхалъ на ярмарку въ Викхамъ, и такъ какъ она должна была быть только черезъ день или два, то онъ ходилъ по окрестнымъ деревнямъ и давалъ представленія. Онъ вошелъ сюда въ залу, заказалъ кружку пива и выпилъ его стоя, и все разсуждалъ о погодѣ. Потомъ онъ попросилъ Билия Чемберса извинить его за безцеремонность и, засунувъ руку къ нему въ кружку, вытащилъ оттуда живую лягушку. Биль очень щепетильный человекъ насчетъ своего питья, и я думалъ, что съ нимъ сдѣлается ударъ. Онъ набросился на Смита, хозяина, такъ, что даже слушать было страшно, и, наконецъ, ради мира и тишины, Смитъ отпустилъ ему взамѣнъ другую порцію.

— Вѣрно, она попала туда, сонная въ кружку, — сказалъ онъ.

Биль отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, кто-то другой спалъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, и только что хотѣлъ начать пить, какъ фокусникъ опять попросилъ у него извиненія. Биль послѣшно опустилъ кружку и фокусникъ опять сунулъ въ нее руку и вытащилъ мертваго мышенка. Трудно было-бы рѣшить, кто былъ болѣе разстроенъ, Биль Чемберсъ или Смитъ, хозяинъ, и Биль, который пришелъ въ ужасное состояніе, началъ спрашивать, почему это всякая гадость залѣзаетъ именно въ его кружку?

— Можеть-быть, вы особенный охотникъ до нѣмыхъ тварей, сэръ, — сказалъ фокусникъ. — Позвольте, развѣ вы не замѣчаете, какъ что-то шевелится въ карманѣ вашего пиджака?

Ону опустилъ руку въ карманъ Билиа и вынулъ маленькую зеленую змѣйку; потомъ изъ кармана его панталонъ вытащилъ еще лягушку, между тѣмъ какъ у бѣднаго Билиа глаза чуть не вылѣзали на лобъ.

— Стойте смирно, — сказалъ фокусникъ. — Ихъ тамъ еще многу.

Биль Чемберсъ издалъ вопль, отъ котораго мы всѣ даже вздрогнули, потомъ оттолкнулъ отъ себя фокусника и началъ раздѣваться какъ только могъ скорѣе, хотя руки у него страшно дрожали. Я думаю, что онъ снялъ-бы съ себя и рубашку, если-бы въ ней были карманы, а потомъ онъ сжалъ ноги вмѣстѣ и началъ прыгать на мѣстѣ, топчя свое платье своими толстыми кованными сапогами.

— Оказывается, онъ не любитель нѣмыхъ тварей, — сказалъ фокусникъ.

Затѣмъ онъ положилъ руку на сердце и раскланялся съ нами.

— Господа, — сказалъ онъ: — показавъ вамъ этотъ образчикъ своего искусства, я прошу васъ обратить вниманіе на то, что, съ любезнаго позволенія хозяина, я дамъ свое знаменитое фокусническое

представленіе въ этой самой залѣ сегодня, въ семь часовъ вечера. За входъ --- по три пенса!

Сначала они его не поняли, но потомъ, разобравъ въ чемъ дѣло, объяснили Билю, который все еще продолжалъ подпрыгивать надъ своимъ платьемъ, отвели его въ уголокъ и уговорили опять одѣться. Онъ все хотѣлъ подраться съ фокусникомъ, но такъ усталъ что едва могъ стоять на ногахъ; а Смитъ, который сначала объявилъ, что и слышать не хочетъ ни о чемъ подобномъ, мало-по-малу уступилъ и сказалъ, что согласенъ рискнуть.

Зала была биткомъ набита въ этотъ вечеръ, и каждому пришлось заплатить по три пенса, — что я называю «выбивать монету». Ну, нѣкоторыя изъ вещей, которыя сдѣлалъ фокусникъ, были правда сдѣланы очень умно и ловко, но почти съ самаго пачала вышла непріятность. Когда онъ попросилъ носовой платокъ, чтобы превратить его въ бѣлаго зайчика, Генри Цокеръ подскочилъ и подалъ ему свой, но вмѣсто бѣлаго зайчика вышелъ черный съ двумя бѣлыми пятнами. Генри Цокеръ просидѣлъ нѣкоторое время молча, не понимая въ чемъ дѣло, потомъ всталъ и ушелъ домой, ни съ кѣмъ не простившись.

Затѣмъ фокусникъ взялъ у Сама Джонса его шляпу, долго смотрѣлъ въ нее и такъ удивился и изумился, что Самъ Джонсъ, наконецъ, разсердился и спросилъ его, неужели онъ никогда прежде не видывалъ шляпы?

--- Такой не видывалъ, — сказалъ фокусникъ.

И онъ вытащилъ изъ нея цѣлое женское платье, пиджакъ, и пару салогъ. Потомъ вынулъ еще фунта два разныхъ лоскутьевъ, нѣсколько хлѣбныхъ корокъ и другихъ вещей, и, наконецъ, возвратилъ ее Джонсу, покачивая на него головой и предупреждая его, что если онъ будетъ такъ неосторожно обращаться съ своей шляпой, то совершенно испортитъ ея форму.

Потомъ онъ попросилъ одолжить ему часы, и такъ какъ онъ обѣщалъ обходиться съ ними очень

осторожно, то Дикки Видь, портной, далъ ему свои золотые, которые завѣщала ему его тетка, когда умерла. Дикки Видь очень цѣнилъ свои часы и гордился ими, и когда фокусникъ взялъ обыкновенный желѣзный утюгъ и началъ разбивать часы на мелкіе кусочки, то понадобилось три человѣка, чтобы удержать его на мѣстѣ.

— Это самый трудный фокусъ, — сказалъ фокусникъ, подбирая одно колесико, которое пристало къ утюгу. — Иногда онъ мнѣ удается, а иногда и нѣтъ. Послѣдній разъ, какъ я его дѣлалъ, онъ не удался, и мнѣ пришлось заплатить восемнадцать пенсовъ и поставить кружку пива тому господину, которому принадлежали часы, чтобы удовлетворить его. Я отдалъ ему и кусочки.

— Если вы не отдадите мнѣ мои часы цѣлыми и невредимыми, — сказалъ Дикки Видь дрожащимъ голосомъ: — то это обойдется вамъ въ двадцать фунтовъ!

Фокусникъ даже привскочилъ.

— Сколько? — проговорилъ онъ. — Ну, жаль, что вы не сказали мнѣ этого раньше. Моя обыкновенная цѣна — восемнадцать пенсовъ.

Онъ потрогалъ пальцемъ разбитые куски и покачалъ головой.

— Я никогда еще не имѣлъ дѣла съ такими старомодными часами, — сказалъ онъ. — Однако, господа, если это мнѣ не удастся, все-же это будетъ первый и послѣдній неудачный фокусъ за весь вечеръ. Нельзя-же требовать, чтобы все удавалось, и если этотъ разъ не удастся, то я повторю фокусъ, господа, если кто-нибудь другой одолжитъ мнѣ другіе часы.

Дикки Видь пробовалъ заговорить, но не могъ и сидѣлъ молча, блѣдный, какъ полотно, вытаращивъ глаза на обломки своихъ часовъ, лежавшіе на столѣ передъ фокусникомъ. Тогда фокусникъ вынулъ изъ своего ящика большой пистолетъ, у котораго дуло расширилось въ концѣ на подобіе трубы, засыпалъ въ него зарядъ пороху, потомъ подобралъ всѣ обломки

и также заколотил ихъ туда; мы даже слышали, какъ разбитые куски царяпали о шомполь. Зарядивъ его, онъ подошелъ къ намъ и началъ намъ его показывать.

— Все обстоитъ благополучно, — сказалъ онъ Дикки Виду. — Фокусъ удался; я ужъ это вижу по заряданію.

Онъ отошелъ на другой конецъ комнаты и поднялъ пистолеть.

— Теперъ я выстрѣлю изъ него, — сказалъ онъ: — и этимъ почию часы. Отъ взрыва пороха кусочки стекла сливаются вмѣстѣ, опять попрежнему; а колесики, перелетая по воздуху, все продолжаютъ вертѣться и такимъ образомъ собираютъ вокругъ себя всѣ остальные части, и часы, совершенное какъ новые и не переставая тикать во всю мочь, окажутся въ карманѣ пиджака того джентельмена, въ котораго я выстрѣлю.

Онъ направлялъ пистолеть то на того, то на другого, словно не рѣшаясь выстрѣлить, да и никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не желалъ этого особенно. Питеръ Губинсъ просилъ не стрѣлять въ него, потому что у него карманъ съ дырой, а Биль Чемберсъ, когда тотъ въ него прицѣлился, всталъ и заявилъ, что пора, наконецъ, чтобы пришелъ чередъ и кому-нибудь другому, а не все ему одному. Единственный кто не боялся, это Бобъ Притте, величайшій плутъ и мошенникъ во всемъ Клейбюри. Онъ съ самаго начала все подсмѣивался надъ фокусами, говоря, что видалъ и раньше такіе, и даже много лучше.

— Валяйте, — сказалъ онъ: — я васъ не боюсь, вы не можете хорошо прицѣлиться.

Фокусникъ направилъ на него пистолеть и спустилъ курокъ; выстрѣлъ раздался — и въ ту-же минуту Бобъ Притте вскочилъ съ мѣста съ страшнымъ крикомъ и, закрывая руками глаза, началъ скакать по комнатѣ, какъ помѣшанный.

Всѣ также повскакали съ мѣстъ, окружили его

и спрашивали, что съ нимъ такое, но Бобъ не отвѣчалъ ничего. Онъ все вопилъ ужаснымъ голосомъ и, наконецъ, выскочилъ вонъ изъ комнаты и, пряча лицо въ платокъ, побѣжалъ домой изо всѣхъ силъ.

— А вы-таки влопались, пріятель, — сказалъ Биль Чемберсъ фокуснику. — Я такъ и думалъ, что вы не успокоитесь, пока не накуралесите чего-нибудь. Вы прострѣлили глаза бѣдному Бобу Притте.

— Ничуть не бывало, — сказалъ фокусникъ. — Онъ только испугался; вотъ и все.

— Испугался? — повторилъ Питеръ Губинсъ. — Да вѣдь, вы стрѣляли часами Дикки Вида прямо ему въ лицо?

— Глупости, — сказалъ фокусникъ. — Часы упали ему въ карманъ, и онъ найдетъ ихъ тамъ, когда опомнится.

— Какъ, вы говорите, что Бобъ Притте убѣжалъ отсюда съ моими часами въ карманѣ? — закричалъ Дикки Видъ.

— Несомнѣнно, — отвѣчалъ тотъ.

— Тебѣ-бы лучше догнать Боба прежде, чѣмъ онъ найдетъ часы, Дикки, — сказалъ Биль Чемберсъ.

Дикки Видъ не отвѣчалъ; онъ уже бѣжалъ за Бобомъ такъ скоро, какъ только позволяли его коротенькія ножки, и большинство изъ насъ послѣдовало за нимъ, чтобы видѣть, что произойдетъ.

Дверь была заперта, когда мы подошли, но Дикки Видъ принялся колотить въ нее изо всей мочи, и, наконецъ, открылось верхнее окно и изъ него показалась голова мистриссъ Притте.

— Шш! — произнесла она шопотомъ. — Уходите!..

— Но мнѣ нужно видѣть Боба, — сказалъ Дикки Видъ.

— Нельзя его видѣть, — отвѣчала мистриссъ Притте. — Его подстрѣлили, бѣдняжку. Развѣ вы не слышите, какъ онъ стонетъ?

До тѣхъ поръ мы ровно ничего не слышали, но послѣ того, какъ она это сказала, дѣйствительно,

стоны Боба можно было-бы услышать за версту: они были ужасны!

— Вотъ, бѣдняга, — сказала мистриссъ Притте.

— Не войти-ли мнѣ помочь вамъ уложить его въ постель? — спросилъ Дикки Видъ, чуть не плача.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мистеръ Видъ, — отвѣчала мистриссъ Притте. — Вы очень добры, но ему было-бы неприятно, если-бы до него дотрогивались чьи-нибудь руки, кромѣ моихъ. Я пришлю вамъ сказать, какъ онъ будетъ себя чувствовать завтра утромъ.

— Постарайся завладѣть его пиджакомъ, Дикки, — прошепталъ Билъ Чемберсъ. — Предложи починить его; навѣрно будетъ не лишнее.

— Ну, мнѣ очень жаль, что я не могу помочь вамъ, — сказалъ Дикки Видъ: — но я замѣтилъ прорѣху въ пиджакъ Боба, и такъ какъ ему, вѣроятно, придется полежать сколько-нибудь въ постели, то это будетъ удобный случай для меня починить его. Если вы выбросите мнѣ его въ окно, я примусь за него сегодня-же.

— Благодарю васъ, — сказала мистриссъ Притте. — Если вы подождете минуту, я только выну, что у него въ карманахъ и сейчасъ брошу вамъ пиджакъ.

Она отошла отъ окна назадъ, въ комнату, а Дикки Видъ заскрежеталъ зубами и сказалъ Билу Чемберсу, что первый-же разъ, какъ тотъ случится ему что-нибудь совѣтовать, онъ ему это припомнить. Онъ стоялъ тамъ и весь дрожалъ отъ злости, а когда мистриссъ Притте опять подошла къ окну и сбросила пиджакъ прямо ему на голову и сказала, что Бобъ очень тронуть его добротой и надѣется, что Дикки постарается починить хорошо, потому что это его любимый пиджакъ, онъ даже не могъ отвѣчать. Онъ все стоялъ и весь тряся, пока мистриссъ Притте не захлопнула опять окно: тогда онъ повернулся къ фокуснику, который также пришелъ съ другими, и спросилъ у него, что-же онъ намѣренъ теперь дѣлать?

— Говорю вамъ, что часы у него, — сказалъ фокусникъ, указывая на окно. — Они попали къ нему въ карманъ; я видѣлъ ихъ. Онъ столько-же раненъ, сколько и вы. Если онъ раненъ, то почему не посылаетъ за докторомъ?

— Это ужъ не мое дѣло, — воскликнулъ Дикки Видъ. — Мнѣ нужны мои часы, или двадцать фунтовъ.

— Мы переговоримъ объ этомъ черезъ день или два, — сказалъ фокусникъ. — Я даю свое знаменитое представленіе на ярмаркѣ въ Викхамъ въ понедѣльникъ, но еще до этого, въ субботу, я вернусь сюда и дамъ другое представленіе въ «Подсолнечникъ», и тогда увидимъ, что можно будетъ сдѣлать. Я не убѣгу, не бойтесь, потому что во всякомъ случаѣ мнѣ необходимо быть на ярмаркѣ.

Дикки Видъ, наконецъ, согласился, отправился домой спать и рассказалъ все своей женѣ. По ея совѣту, онъ всталъ на утро въ шесть часовъ и пошелъ узнавать о здоровьи Боба Притте.

Мистриссъ Притте уже встала, когда онъ подошелъ, и, окликнувъ сначала Боба на лѣстницѣ, пригласила Дикки Вида идти на верхъ. Бобъ Притте сидѣлъ на постели, съ лицомъ сплошь обвязаннымъ бинтомъ, и былъ, казалось, очень радъ его видѣть.

— Не всякій сталь-бы вставать въ шесть часовъ, чтобы узнать, какъ я себя чувствую, — сказалъ онъ. — У тебя чувствительное сердце, Дикки.

Дикки Видъ кашлянулъ и оглянулся кругомъ, спрашивая себя, тутъ-ли въ комнатѣ его часы, и если да, то гдѣ именно они спрятаны.

— Разъ я здѣсь, то отчего-бы мнѣ не прибрать для тебя комнату немножко? — сказалъ онъ, вставая. — Я не люблю сидѣть безъ дѣла.

— Спасибо, товарищъ, — проговорилъ Бобъ и легъ опять на постель и лежалъ смирно, наблюдая за Дикки Видомъ однимъ уголкомъ глаза, не закрытымъ бинтами.

Не думаю, чтобы эта комната подвергалась когда-либо такой основательной уборкѣ, съ тѣхъ поръ какъ

въ ней поселился Бобъ съ женой, но часовъ своихъ Дикки Видъ все-таки не видалъ, и что разозлило его еще болѣе, это то, что мистриссъ Притте усѣлася преспокойно на стулъ, сложила руки и еще указывала ему на мѣста, оставшіяся неубранными.

— Оставь его въ покоѣ, — сказалъ Бобъ. — Онъ знаетъ, что ему нужно. Куда ты дѣвала тѣ маленькіе кусочки часовъ, что нашла на мнѣ, когда перевязывала меня?

— Не спрашивай меня, — отвѣтила мистриссъ Притте. — Я была въ такомъ состояніи, что почти не знала, что дѣлать.

— Они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь, — сказалъ Бобъ. — Ты поглядывай, не увидишь-ли ихъ, Дикки, и если найдешь, то возьми ихъ себѣ; они, вѣдь, твои.

Дикки Видъ постарался быть вѣжливымъ и поблагодарилъ его, потомъ вернулся домой и опять началъ совѣтываться съ женой. Никто не могъ рѣшить; былъ-ли Бобъ Притте въ самомъ дѣлѣ раненъ, или-же онъ дѣйствительно нашелъ часы у себя въ карманѣ, и только притворяется. Но всѣ были одинаково увѣрены въ томъ, что, такъ или иначе, но Дикки Видъ своихъ часовъ никогда не увидитъ.

Въ субботній вечеръ здѣсь, въ «Подсолнечникѣ», собралось еще больше народу, такъ какъ всѣмъ хотѣлось опять увидѣть фокусъ съ часами. Мы слышали, что онъ удался прекрасно и въ Кудфордѣ и въ Монкшамѣ, но Бобъ Притте увѣрялъ, что повѣритъ этому только тогда, когда самъ увидитъ, не раньше.

Онъ явился въ этотъ вечеръ однимъ изъ первыхъ, потому что хотѣлъ, по его словамъ, узнать, что фокусникъ ему заплатитъ за всѣ его страданія и за то, что такъ опорочилъ его доброе имя. Онъ вошелъ, опираясь на палку, съ обвязаннымъ еще лицомъ, усѣлся подлѣ самага столика, за которымъ стоялъ фокусникъ, и все слѣдилъ за нимъ какъ можно пристальнѣе, пока тотъ продѣлывалъ свои фокусы.

— А теперь, — сказалъ, наконецъ фокусникъ:—

я приступаю къ своему знаменитому фокусу съ часами. Тѣ изъ васъ, кто былъ здѣсь во вторникъ, когда я его исполнилъ, конечно, помнятъ, что человѣкъ, въ котораго я выстрѣлилъ изъ пистолета, притворился, что раненъ и убѣжалъ домой съ часами въ карманѣ.

— Вы — лжець! — закричалъ Бобъ Притте, вставая съ мѣста.

— Прекрасно, — замѣтилъ фокусникъ. — Сните-ка эти бинты съ лица и покажите намъ всѣмъ, гдѣ вы ранены.

— И не подумаю, — воскликнулъ Бобъ. — Я не обязанъ васъ слушаться.

— Снимите бинты, — настаивалъ фокусникъ: — и если есть хоть малѣйшій слѣдъ огнестрѣльной раны, я заплачу вамъ два соверена...

— Я боюсь, что застужу рану, — отвѣтилъ Бобъ Притте.

— Нечего тебѣ этого бояться, Бобъ, — сказалъ Джонъ Бигсъ, кузнецъ, подходя сзади и обхватывая его своими сильными руками. — Ну-ка, кто-нибудь, снимите эти лохмотья; я подержу его.

Бобъ Притте началъ было сопротивляться, но потомъ, видя, что это ни къ чему не послужитъ, совсѣмъ затихъ и стоялъ смиренно, пока съ него снимали повязку.

— Ну, вотъ, смотрите! — вскричалъ фокусникъ, указывая на него. — Ни одного слѣда у него на лицѣ, ни одинаго!

— Что? — вскричалъ Бобъ Притте. — Вы говорите, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ?

— Говорю, — сказалъ фокусникъ.

— Слава Богу! — вскричалъ Бобъ Притте, всплеснувъ руками. — Слава Богу! А я-то боялся, что буду обезображенъ на всю жизнь. Одолжите мнѣ кто-нибудь кусочекъ зеркала; я просто повѣрить этому не могу.

— Ты укралъ часы Дикки Вида, — сказалъ Джонъ Бигсъ. — Я подозрѣвалъ тебя все время. Ты воръ, Бобъ Притте; вотъ ты что!

— Докажи это, — кричалъ Бобъ Притте. — Ты слышалъ, что фокусникъ тогда сказалъ, что послѣдній разъ какъ онъ пробовалъ, фокусъ не удался и ему пришлось заплатить восемнадцать пенсовъ хозяину часовъ?

— Это я только подшутилъ, — замѣтилъ фокусникъ Джону Бигсу. — Я всегда могу сдѣлать этотъ фокусъ, и сдѣлаю его сейчасъ. Кто-нибудь будетъ такъ добръ — одолжить мнѣ часы.

Онъ оглянулся на всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ, но никто не отозвался—иные предлагали чужіе часы, хозяева которыхъ не хотѣли съ ними расстаться.

— Ну, ну, — сказалъ фокусникъ: — неужели никто изъ васъ мнѣ не довѣряетъ? Часы будутъ такъ-же сохранны, какъ у васъ въ карманѣ. Я хочу доказать вамъ, что этотъ человекъ — воръ!

Онъ продолжалъ упрашивать, и, наконецъ, Джонъ Бигсъ вынулъ свои серебряные часы и отдалъ ему, только съ условіемъ, чтобы онъ, ни подъ какимъ видомъ, не стрѣлялъ ими въ карманъ Боба Притте.

— Не такъ-же я глухъ! — сказалъ фокусникъ. — Ну, теперь, всѣ посмотрите хорошенько на эти часы, чтобы быть увѣренными, что я васъ не обманываю.

Онъ протянулъ ихъ по очереди всѣмъ, и когда всѣ посмотрѣли, подошелъ къ столу и положилъ часы на столъ.

— Дайте и мнѣ посмотрѣть, — говоритъ Бобъ Притте. — Я не позволю порочить свое доброе имя такъ задаромъ, если могу помѣшать этому.

Онъ взялъ часы, подержалъ, поднесъ ихъ къ уху, и опять положилъ на столъ.

— А это тотъ утюгъ, которымъ вы будете разбивать ихъ? — спросилъ онъ.

— Тотъ самый, — сказалъ фокусникъ, смотря на него очень не ласково. — Можетъ быть, вы желаете и его осмотрѣть?

Бобъ Притте поднялъ его и посмотрѣлъ.

— Да, пріятель, — сказалъ онъ: — это обыкно-

венный, желѣзный утюгъ. Лучшаго ничего и не придумаешь, чтобы разбивать часы.

Онъ взмахнулъ имъ въ воздухъ и, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ двинуться, опустить всю-всю силу, прямо на часы. Фокусникъ подскочилъ къ нему и схватилъ его за руку, но было уже поздно, и онъ обратился въ ужасномъ волненіи къ Джону Бигсу.

— Онъ разбилъ ваши часы! — закричалъ онъ. — Онъ разбилъ ваши часы!

— Ну, такъ что-же? — сказалъ Джонъ Бигсъ. — Вѣдь, ихъ-же и слѣдовало разбить? Развѣ нѣтъ?

— Да, только не ему, — сказалъ фокусникъ, прыгая вокругъ стола. — Теперь я умываю руки отъ всей этой исторіи.

— Слушайте вы! — заоралъ Джонъ Бигсъ. — Нечего мнѣ говорить, что вы умываете руки. Докончите-ка вашъ фокусъ и отдайте мнѣ мои часы такими, какъ они были прежде.

— Нѣтъ, послѣ того, какъ онъ вмѣшался въ мои дѣла, — сказалъ фокусникъ: — если ужъ онъ такъ уменъ, то пусть самъ теперь сдѣлаетъ фокусъ.

— Миѣ-бы лучше хотѣлось, чтобъ вы его сдѣлали, — сказалъ Джонъ Бигсъ. — Зачѣмъ вы ему позволили вмѣшаться?

— Какъ-же мнѣ было догадаться, что онъ хочетъ дѣлать? — спросилъ фокусникъ. — Теперь вы должны уладить это между собой; мнѣ тутъ нечего больше дѣлать.

— Ладно, Джонъ Бигсъ, — сказалъ Бобъ Притте. — Если онъ не хочетъ сдѣлать, то я сдѣлаю. Если только этотъ фокусъ возможенъ, то не все-ли равно, кто его сдѣлаетъ? Не думаю, чтобы кто-нибудь сумѣлъ разбить часы лучше меня.

Джонъ Бигсъ взглянулъ на нихъ и началъ опять просить фокусника сдѣлать фокусъ, но тотъ рѣшительно отказался.

— Теперь нельзя его сдѣлать, — сказалъ онъ: — и предупреждаю васъ, что если будутъ стрѣлять изъ

пистолета, то я не отвѣчаю за то, что можетъ случиться.

— Если онъ не хочетъ, то Джорджъ Кетль зарядитъ пистолеть и выстрѣлитъ, — сказалъ Бобъ Притте. — Онъ былъ въ ошелоченіи, такъ что никому не сумѣть противъ него.

Джорджъ Кетль подошелъ къ столу весь красный отъ полученной при всѣхъ похвалы, и началъ заряжать пистолеть. Намъ показалось, что дѣлаетъ онъ это не совсѣмъ такъ ловко, какъ дѣлалъ фокусникъ въ прошедшій разъ, и ему пришлось еще раздавить утюгомъ крышки часовъ, прежде чѣмъ онъ могъ втиснуть ихъ въ дуло. Но, наконецъ, дѣло было сдѣлано, и онъ стоялъ въ ожиданіи, съ пистолетомъ въ рукахъ.

— Въ меня не стрѣлай, Джорджъ Кетль, — сказалъ Бобъ. — Меня уже разъ назвали воромъ, и я вовсе не хочу, чтобы называли и во второй разъ.

— Бросьте вы этотъ пистолеть, дуракъ, пока еще не надѣлали бѣды, — кричалъ фокусникъ.

— Въ кого-же мнѣ стрѣлять? — спросилъ Джорджъ Кетль, поднимая пистолеть.

— Лучше всего, я думаю, въ фокусника, — сказалъ Бобъ Притте: — потому что, если все случится такъ, какъ, по его словамъ, должно случиться, то часы окажутся у него въ карманѣ.

— Да гдѣ-же онъ? — спросилъ Джорджъ Кетль, оглядываясь.

Билъ Чемберсъ задержалъ его какъ разъ въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ проскользнуть въ дверь, чтобы позвать хозяина, и когда его привели назадъ и Джорджъ Кетль прицѣлился въ него изъ пистолета, онъ такъ кричалъ, что ужасъ.

— Не будьте такъ глупы, — сказалъ Джорджъ Кетль. — Ничто вамъ вреда не сдѣлаетъ.

— Вамъ будетъ не хуже, чѣмъ было мнѣ, — прибавилъ Бобъ Притте.

— Бросьте пистолеть! — кричалъ фокусникъ. —

Бросьте его! Вы перебьете половину народа въ комнатѣ, если онъ выстрѣлитъ.

— Цѣлься осторожниѣе, Джорджъ, — сказалъ Самъ Джонсъ. — Можеть быть, его лучше посадить на стулъ, вѣсѣмъ одного, посреди комнаты?

Но хорошо было Саму Джонсу говорить, а фокусникъ не хотѣлъ сидѣть одинъ на стулѣ. Онъ даже вовсе не хотѣлъ садиться; у него точно вдругъ прибавилось и рукъ и ногъ, и онъ такъ бился и сопротивлялся, что потребовалось четыре или пять челобѣкъ, чтобы держать его.

— Отчего вы не стоите смирно? — сказалъ Джонсъ Бигсъ. — Джорджъ Кетль выстрѣлитъ вамъ часы прямо въ кармагъ. Онъ стрѣляетъ лучше всѣхъ насъ въ Клейбюри.

— Помогите! Караулъ..! — закричалъ фокусникъ, все продолжая вырываться. — Онъ убьетъ меня! Никто не можеть дѣлать этотъ фокусъ, кромѣ меня.

— Но вы-же говорите, что не хотите его дѣлать? — продолжалъ Джонсъ Бигсъ.

— Теперь — нѣтъ; теперь не могу! — закричалъ фокусникъ.

— А я не хочу, чтобы мои часы пропали изъ-за вашего нехотѣнія — сказалъ Джонъ Бигсъ. — Привяжите его къ стулу, ребята.

— Хорошо-же, — сказалъ фокусникъ, очень блѣдный. — Не привязывайте меня, не надо. Я буду сидѣть совершенно смирно, если вы хотите, только лучше вынести стулъ на воздухъ, во избѣжаніе несчастія. Давайте-ка его сюда, впередъ.

Джорджъ Кетль сказалъ, что это все глупости, но фокусникъ увѣрялъ, что фокусъ всегда лучше удается на открытомъ воздухѣ, и, наконецъ, они уступили, вывели его и вынесли стулъ наружу.

— Теперь, — сказалъ фокусникъ, садясь на стулъ: — вы всѣ ступайте и становитесь рядомъ съ тѣмъ человекомъ, который будетъ стрѣлять. Когда

я скажу: «три»! — стрѣляйте. Ахъ, да, вотъ глядите, вотъ и часы на землѣ!

Онъ указалъ пальцемъ, и когда всѣ невольно взглянули внизъ, соскочилъ со стула и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ по дорогѣ въ Викхамъ. Это было такъ неожиданно, что никто не понялъ въ первую минуту, въ чемъ дѣло; затѣмъ, Джорджъ Кетль, который также глядѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ прочими, повернулся и спустилъ курокъ.

Послѣдовалъ страшный взрывъ, который почти оглушилъ насъ всѣхъ и вся спинка стула разлетѣлась въ дребезги. Къ тому времени какъ мы опомнились, фокусника почти уже не было видно вдали, а Бобъ Притте объяснялъ Джону Бигсу, что хорошо еще, что его часы были не золотые.

— Вотъ что значитъ вѣрить чужому, больше чѣмъ человѣку, котораго вы знали всю свою жизнь, — говорилъ онъ покачивая глубокомысленно головой. — Надѣюсь, что слѣдующій, кому вздумается порочить мое доброе имя, отдѣлается не такъ дешево. Я чувствовалъ все время, что этотъ фокусъ не можетъ удалиться; само собой разумѣется, что не можетъ; это было-бы несестественно. А между тѣмъ, я, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы онъ удался.

К О Н Е Ц Ъ.

Кудрявцевъ, П., проф. Рѣмекія женщины: вып. I—№ 14.—10 к.; вып. II—№ 43.—10 к.; вып. III—*Печатается.*

Лахманнъ, Г. Оскаръ Уайльдъ. Біографія-характеристика, съ портр.—№ 54.—10 к.

Лермонтовъ, М. Стихотворенія, съ портр.—(Сочиненія, т. I).—№ 57.—10 к.—*Печатается.*

Лихтенберже, А. Пиратъ Горри. Романъ.—№ 64, 65.—20 к.

Марлинскій, А. Назвды. Повесть.—№ 19.—10 к.

Марлиттъ, Е. Вторая жена. Романъ, съ портр.—№ 20, 21.—20 к.

Марлиттъ, Е. Тайна старой дѣвы. Романъ.—*Печатается.*

Метерлинкъ, М. Сѣбіне-Внутрл.-Сестра Беатриса. Три пьесы.—№ 15.—10 к.

Мирбо, О. Эпидемія.—Старые супруги—Интервьюеръ. Три пьесы, съ портр.—№ 56.—10 к.

Мюнцъ, Э. Рафаэль. Біографія-характеристика (съ 4-мя иллюстраціями).—№ 34.—10 к.

Николюскій, В. Народныя движенія въ Россіи. Вып. I. „Морозовщина“.—№ 7.—10 к.; вып. II. „Стевка Разинъ и Разинповщина“.—№ 38.—10 к.

Рамбо, А., проф. Исторія французск. революціи (1789—1799).—№ 10, 17, 18.—30 к., въ коленк. перепл. 50 к.

Реймонъ, М. Микель Анджело. Біографія-характеристика (съ 4-мя иллюстр.).—№ 44.—10 к.

Римскій-Корсаковъ, Н. Біографическій очеркъ. Списокъ произведеній. Краткія либретто оперъ, съ портр.—№ 36.—10 к.

Ришпенъ, Ж. Первые шаги Цезаря Борджіа. Повесть, съ портр.—№ 45.—10 к.

* Сервантесъ, М. Донъ-Кихотъ Ламанчскій (съ портр. и иллюстраціями).—№ 5, 6.—20 к., въ коленк. перепл. 50 к.

Слово о полку Игоревѣ. Текстъ, переводы, критич. литература

(Классическое изданіе).—№ 37.—10 к., въ мягк. перепл. 20 к.

Сэйиль, Г., проф. Лионардо-да-Винчи. Біографія-характеристика (съ 4-мя иллюстрац.).—№ 46.—10 к.

Сэйиль, Г., проф. Антуанъ Ватто. Біографія-характеристика.—*Печатается.*

Таръевъ, М., проф. Основы христіанства (краткое изложеніе). № .—10 к. *Печатается.*

Флоберъ, Г. Иродіада.—Легенда о Юліанѣ Милостивомъ. Дѣв. поэмы, съ портр.—№ 30.—10 к.

* де-Фо, Д. Робинзонъ Крузо (съ иллюстраціями).—№ 12, 13.—20 к., въ коленк. перепл. 40 к.

Франсъ, А. Перламутровый ларець. Восемь рассказовъ, съ портр.—№ 50.—10 к.

Френсень, Г. Жизнь Спасителя („Рукопись“), съ портр.—*Печатается.*

Чайковскій, П. Біографическій очеркъ. Списокъ произведеній. Краткія либретто оперъ, съ портр.—№ 37.—10 к.

Чирецкій, А. Патріархъ Николъ. Біографія-характеристика (съ 2-мя рис.).—№ 23, 23а.—20 к.

* Шекспиръ, В. Гамлетъ принцъ Датскій.—№ 4.—10 к., въ коленк. перепл. 30 к.

* Шекспиръ, В. Макбетъ (съ рис.)—№ 42.—10 к.

Шекспиръ, В. Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ).—№ 32, 33.—20 к.

* Шиллеръ, Ф. Избранныя стихотворенія, съ портр.—№ 35.—10 к.

Шнитцлеръ, А. Зеленый попугай.—Подруга жизни. Дѣв. пьесы, съ портр.—№ 27.—10 к.

Шоппенгауеръ, А. Афоризмы житейской мудрости, съ портр.—№ .—*Печатается.*

Уставъ о наказ. палат. М. С., съ алфавит. указат. № .—10 к., въ мягкомъ перепл. 20 к.—*Печатается.*

* отмѣчены выщущи, внесенные въ „Списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безылатныхъ народныхъ читальнъ и библиотекъ“.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

Каждый выпускъ 10 коп.

Каждый томикъ продается отдѣльно въ
книжныхъ магазинахъ.

Въ мѣстныхъ книжныхъ магази-
нахъ имѣются списки вышедшихъ
и готовящихся къ печати выпусковъ
Всеобщей Библиотеки.

СКЛАДЪ ВСЕОБЩЕЙ БИБЛИОТЕКИ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Товарищества М. О. Вольфъ.

С.-Петербургъ, Гост. дворъ, 18; Невскій, 13.

Москва, Кузнецкій мостъ, 12; Моховая, 22.

Москва, „ЗВЕНО“, Б. Никитская, 20.

